

НОВАЯ ПОЛЬША 1/2006

Содержание

1. НЕПОДЦЕНЗУРНАЯ КУЛЬТУРА
2. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
3. ПРОЩАЙ, "ПОЛОНЕЗ"!
4. СТИХИ ИЗ КНИГИ «ИСТОРИЯ ПОЛЬСКИХ СЕМЕЙ»
5. НА ТРУП
6. ХЛЕБНИКОВ, ПО-НОВОМУ ОТКРЫТЫЙ
7. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ
8. ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

НЕПОДЦЕНЗУРНАЯ КУЛЬТУРА

Когда-то на страницах “Новой Польши” (2004, №1) я уже писал о польских неподцензурных издательствах 1976–1989 годов. Процесс выпуска неподцензурных публикаций достиг массового масштаба после создания “Солидарности” и особенно после введения военного положения в декабре 1981 го. Параллельно, и об этом, наверное, знает еще меньше людей, существовал и другой “самиздат”, тоже подрывавший государственную монополию коммунистов на слово. Это был “самиздат” в сфере культуры, а также науки и образования.

Оба эти процесса, как в области издательской деятельности, так и в области культуры, существовали не по отдельности, но во многих случаях объединялись и совмещались, один процесс всегда служил поддержкой другому, часто трудно было отделить культурную деятельность от издательской. Прежде всего я имею в виду “самиздат” литературы, которая составляла примерно треть подпольной издательской продукции. Выходило также несколько десятков журналов литературного и культурного направления, в том числе по искусству: “Шкице” (“Очерки”), “Выбур” (“Выбор”) — и научные: “Альманах хуманистичный” (“Гуманитарный альманах”) или публиковавший философские тексты журнал “Алетейя”. “Самиздатская” пресса очень часто и добросовестно информировала о нелегально проходивших культурных мероприятиях, давала на них рецензии, вела полемику, наконец, старалась помочь деятелям культуры, находившимся из-за своей деятельности в трудных условиях выживания. В свою очередь деятели культуры охотно печатались в “самиздате”. Впрочем, часто то, с чем они выступали на нелегальных встречах — во время дискуссий или авторских встреч, — публиковалось затем в независимых журналах или книгах. Многие из этих авторов вошли в состав редакций журналов, в том числе такие известные писатели, как Ежи Анджеевский, Виктор Ворошильский, Юлиан Стрыйковский (“Запис”); стали подпольными издателями, как, например, кинокритик Анджей Вернер или знаток и переводчик русской литературы Анджей Дравич. Профессиональные художники создавали проекты оформления нелегально выходивших книг, плакатов и другой печатной продукции, например, почтовых открыток, альбомов, марок подпольной почты. В работе подпольных издательств участвовали и переводчики. Очень

многие люди оказывали самую элементарную помощь, участвуя хотя бы в распространении готовой продукции, доставке бумаги и оборудования или готовых тиражей, как, скажем, известный театральный режиссер Адам Ханушкевич или актер Ежи Карашкевич; были и те, кто предоставлял свои квартиры для подпольной деятельности, как, например, кинорежиссер Станислав Барея или актер Мариуш Дмоховский. Многие деятели культуры присоединялись к акции помощи тем, кто подвергся репрессиям, работали в комитетах помощи при храмах, как, например, актеры Майя Коморовская или Даниэль Ольбрыхский.

Три этапа

Возникновение подпольной сферы культуры связано с тем, что впервые за многие годы (после войны какое-то время существовало вооруженное и политическое подполье, а также подпольные издательства) стали возникать независимые от власти общественные и политические организации, такие, как Комитет защиты рабочих (КОР) или Конфедерация независимой Польши (КПН), а также активизировалась независимая издательская деятельность. С этого момента независимой политической деятельности всегда сопутствовала независимая деятельность в области культуры, хотя, безусловно, их характер и масштаб были различны. Наконец, разными были и те условия, в которых эта деятельность осуществлялась на протяжении десяти с лишним лет.

Период 1976–1980 гг. — это начало независимого существования культурной сферы, первых литературных изданий, первых дискуссионных салонов, где читали стихи и прозу, выступали барды и независимые кабаре. Самым известным был салон Валендовских в варшавской квартире супругов — Анны Эрдман, внучки писателя Мельхиора Ваньковича, и Тадеуша Валендовского, режиссера и редактора подпольного литературного журнала “Пульс”. Возникли первые библиотеки запрещенных книг. Уже появились первые смельчаки, такие, как Ян Кшиштоф Келюс, которые записывали свои произведения на магнитофонные кассеты и продавали их “вне рамок государственной монополии на развлечения”. Началось независимое движение в области науки и образования, которое ознаменовалось созданием в 1977 году Летучего университета, а годом позже — Общества научных курсов (ОНК), первой широко действовавшей научной организации в ПНР, не признававшей монополии государства на науку и образование. В рамках ОНК велись научные исследования, проводились семинары и сессии, работало

собственное издательство (“Нова-2”) и даже готовились к защите диссертации (в том числе, например, известного сегодня политика Александра Халля).

Период между августом 1980 и декабрем 1981 г. стал временем расцвета самых разных инициатив в сфере культуры. Именно тогда появилось новое средство массовой информации — независимое радио (хотя передатчиков оно не использовало — это произойдет лишь во время военного положения, а тогда использовались существовавшие на предприятиях радиоузелы). Начали возникать такие организации, как Согласительный комитет творческих союзов и научных обществ или учрежденное историком Ежи Лоеком Объединение авторов литературных форм, связанное с “Солидарностью” Мазовии [Варшава с близкими и дальними окрестностями]. Вокруг отделений профсоюза создавалась целая сеть учреждений самообразования, охватившая всю Польшу, возникали различные рабочие университеты, где лекции читали независимые ученые, прежде всего историки, экономисты, социологи, так как в этих областях знания было больше всего фальсификаций и белых пятен. Наконец, обрели независимость творческие союзы, такие, как Союз польских журналистов, Союз польских художников, объединения кинематографистов, актеров. Писатели, большинство которых и ранее находились в оппозиции, заключили соглашение о сотрудничестве с “Солидарностью”.

И вот введено военное положение, объявленное 13 декабря 1981 г. и неофициально продолжавшееся до июня 1989 г. Теперь оппозиционную деятельность взяла под свою опеку — наряду с вынужденной уйти в подполье “Солидарностью” и во многом заменив ее — католическая Церковь, последний независимый от власти открыто действующий институт. При храмах осуществлялась тогда большая часть акций в рамках независимой культурной деятельности. Хотя не только. Стать покровителем искусства мог любой человек, имевший квартиру и не боявшийся предоставить ее независимым деятелям культуры. В таких местах часто ставили свои спектакли возникшие во время военного положения домашние театры. В квартирах художников действовали независимые художественные галереи, литературные и дискуссионные салоны. Там же проходили видеопказы снятых в Польше или контрабандой привезенных из-за рубежа документальных фильмов, а также художественных фильмов, в том числе запрещенных цензурой иностранных картин, к которым специально готовились польские титры; среди таких фильмов был, например, получивший громкую славу “Охотник на

олений”. Наконец активно разворачивалась издательская деятельность, появились энергично действующие фирмы звукозаписи.

Особенно преследуемым средством массовой информации, активно работавшим в то время, стало подпольное радио, существовавшее во многих городах Польши и передававшее короткие передачи на радио- или телевизионных частотах. Единственной деятельностью, можно сказать, *in minus* был бойкот радио, телевидения, а также проправительственных учреждений культуры и прессы, объявленный независимыми деятелями культуры, прежде всего актерами и художниками. Вряд ли можно говорить о каком-то его эстетическом воздействии, но тут, пожалуй, следует учитывать иные, быть может, более важные ценности, а также ту цену, которую приходилось платить всем тем, кто осмелился таким образом сказать свое “нет”. Эти годы стали также периодом развития независимых, связанных с “Солидарностью” институтов в области культуры, образования, науки, которые обеспечивали материальную и идейную поддержку деятелям культуры, работавшим вне официальных структур.

Гражданское общество в подполье

После того, как было введено военное положение, многие люди в Польше обращались к опыту общественной жизни во времена гитлеровской оккупации, когда в Польше существовало подпольное государство со многими учреждениями, в том числе культурными. Действительно, многие учреждения, созданные в восьмидесятые годы оппозицией, связанной с “Солидарностью”, напоминали то, что уже было. Часто к образцам времен II Мировой войны обращались совершенно сознательно. Так было, например, с актерским бойкотом, который продолжался весь первый год военного положения. Во время оккупации подпольный Театральный совет запрещал актерам играть в легально действовавших под контролем немцев театрах, не разрешалось принимать участие в пропагандистских немецких кинофильмах, бойкот применялся и к самим кинотеатрам. Более того, случалось даже, что во время киносеанса подбрасывали газовый заряд, как это произошло еще в декабре 1939 года в кинотеатре “Наполеон” в Варшаве. Создавались оккупационные кодексы, запрещавшие сотрудничать с оккупантами, и нарушение их могло повлечь за собой неприятные последствия. Самым громким было дело с наказанием коллаборациониста актера Иго Сымы, расстрелянного по приговору подпольного суда, в частности, за вербовку польских актеров для съемок

антипольского пропагандистского кинофильма “Возвращение на родину” (“Heimkehr”).

Оккупация не заставила замереть культурную жизнь. Создавались подпольные театральные труппы, часто читавшие или декламировавшие пьесы, как например, краковский Рапсодический театр, одним из актеров которого был будущий Папа Римский Кароль Войтыла. Объявлялись конкурсы на лучшую пьесу, победителями которых были известные драматурги, как, скажем, Ежи Завейский, выделялись стипендии на написание литературных произведений, готовился театральный репертуар, предназначенный для послевоенного времени. С 1941 г. в Варшаве даже работал подпольный кинотеатр, называвшийся “Робин Гуд” (позже “Гренада”). В частных квартирах устраивались художественные выставки — одним из тех, кто участвовал в них, был Тадеуш Кантор, художник и знаменитый создатель театра “Крико-2”. Проводились литературные вечера, выходило много подпольных журналов, посвященных культуре. Наконец, действовала в подполье сеть просвещения и образования, причем всех уровней, в том числе и подпольные курсы театра и кино.

Как только было введено военное положение, скрывавшиеся в подполье руководители “Солидарности” обратились с призывом формировать гражданское общество в подполье. И такое общество в подполье сформировалось, а одной из важных его опор, наряду с издательским движением и нелегальной профсоюзной, политической и общественной деятельностью, была независимая культурная деятельность, в которой участвовали десятки людей — как самих деятелей культуры, так и обычных граждан, которые вместе выстраивали инфраструктуру культурного подполья. Поддержка “Солидарности” деятелями культуры стала, пожалуй, самым демонстративным выражением протеста против политики властей, которые испытывали горькое разочарование. Коммунистическое руководство в стремлении убедить общественность в своей правоте всегда старалось подкупить деятелей культуры, придавая искусству важное значение в пропагандистской борьбе. И деятели культуры какое-то время даже позволяли властям использовать себя. А теперь отказ был тотальным.

Бойкот

Участие поляков в независимой культуре, особенно в первые месяцы военного положения, носило в основном стихийный характер. Таким стихийным актом протеста было, например,

участие в забастовке на Гданьской судовой верфи актера Шимона Павлицкого, который 15 декабря 1981 года, на третий день забастовки, стоя на крыше проходной №2 Судовой верфи, декламировал молитву Конрада из пьесы знаменитого польского драматурга Станислава Выспянского “Освобождение”.

Но наиболее заметным выражением протеста против военного положения был объявленный творческими кругами бойкот средств массовой информации, главным образом радио и телевидения, но также прессы, фильмов и государственных галерей. Самым демонстративным оказался актерский бойкот, ибо в нем солидарно участвовали почти все актеры. Бойкот продолжался в течение всего 1982 г. и был наиболее заметным актом сопротивления военной хунте генерала Ярузельского. Как сказала актриса Катажина Ланевская, бойкот радио и телевидения, занимавшихся фальсификацией нашей действительности, выразился в “повсеместном отказе участвовать во лжи”.

Подобно тому, как это было во время II Мировой войны, появились нравственные кодексы различных творческих кругов, где деятели культуры единогласно провозглашали, что “коллорационистом является тот, кто использует свою фамилию, лицо, голос или талант в целях пропаганды и для оправдания насилия”, кто “публикует что бы то ни было в прессе режима” или “дает интервью в средствах массовой информации”, а также выступает или “участвует в пропагандистских, культурных и научных мероприятиях, проводимых под эгидой режима”.

Актерский бойкот поддерживали зрители, которые в массовом порядке приходили в театры, особенно в те, где работали актеры, участвовавшие в бойкоте. Поддержку оказывала и выходившая в подполье пресса. Собирались деньги для оказания помощи безработным актерам, создавались специальные фонды, наконец, публиковались списки коллорационистов, то есть тех, кто откололся от солидарного неучастия в общественной жизни, кто поддержал военное положение или военные власти. Стоит отметить, что в списке коллорационистов, оглашенном “Солидарностью артистов театра и кино”, оказалось более 60 человек, в том числе семь директоров театров и один театр целиком, варшавский театр “Сирена” вместе со своим директором Витольдом Филлером.

По-своему реагировали и зрители. Актер Януш Клосинский, который, выступая на телевидении, поддержал Ярузельского, в конце января 1982 г. на спектакле “Свадьба” Станислава

Выспянского в Национальном театре был встречен такими бурными аплодисментами, что... не смог произнести ни одной реплики и ему пришлось уйти со сцены. Такой же оказалась судьба и известного актера кино и театра Станислава Микульского, который после столь же горячего приема отказался от роли и попросился в отпуск. Подобный прием был оказан певцу Леонарду Мрузу, который публично поддержал военное положение.

Другие методы применялись в отношении коллаборационистов-писателей. В ответ на призыв подпольной прессы на их адреса стали в массовом порядке приходить посылки с книгами этих авторов, присланные читателями. Так владельцем огромной коллекции, состоявшей... из его собственных книг, стал, в частности, известный писатель Войцех Жукровский.

Случались и акции, напоминавшие операции времен II Мировой войны. Например, использование химического вещества с неприятным запахом (так называемой “вонючки”) во время торжественного собрания в варшавском Большом театре, организованного в связи с очередной годовщиной Октябрьской революции.

И что играли?

За бойкот, за непоявление на экранах телевидения и кинотеатров или в радиоэфире приходилось платить немалую цену, особенно молодым актерам, которые таким образом теряли возможность стать известными, сделать карьеру или предстать перед широкой публикой. Но в этой акции участвовали солидарно почти все. Хотя наряду с высказанным “нет” у актеров, режиссеров, людей театра — и не только театра, ибо это касалось также, например, отказывавшихся выставляться в государственных галереях художников, — было и свое “да”.

Создавая подпольные театры, выступая в костелах и на частных квартирах, они не только сохранили связь со зрителями, но и завоевали новую аудиторию, которая прежде не участвовала в культурной жизни. Парадоксально, но круг внимающих культуре не только не сузился, а расширился. К тому же это был зритель активный, который не только сознательно подвергал себя риску гебешных преследований, но и проявлял инициативу и организационные способности. Ведь чаще всего выступление театра приходилось организовывать самим зрителям. Таким образом, среди организаторов культурной жизни оказывались рабочие, служащие, инженеры, учителя,

священники — люди, которые прежде были весьма далеки от искусства и культурной деятельности.

И еще один важный аспект. Независимый театр мог добраться до каждого. Вот как вспоминала об этом актриса Катажина Ланевская в вышедшей в 1988 г. в самиздате книге “Комедианты. Про бойкот”: “Бойкот — мнимая пауза в биографии. На самом деле это было время интенсивного актерского переживания, ни с чем доселе не сравнимого. Прекрасное время. Я стала тогда “владелицей” шести разных программ. С ними я объездила, вместе с коллегой, певицей Кристиной Квасовской, всю Польшу. Мы ездили в самые отдаленные уголки страны. Нас всегда ждали. Ждал тот самый, отличавшийся от прежнего, зритель. Необыкновенный. Жаждающий подлинных переживаний (...) У меня в Польше много новых прекрасных друзей из очень разных мест — Гданьска, Глогува, Кельце, Быдгоща, Гливице, Конина, Згежа, Нового-Сонча”.

Этот зритель испытывал голод по искусству, после спектаклей велись дискуссии, устанавливались тесные связи между известными мастерами, такими, как Анджей Вайда, Даниэль Ольбрыхский, Анджей Щепковский, и рядовыми людьми. На одной из недавних конференций, посвященных 25 летию создания “Солидарности”, Анджей Вайда говорил, что об этом можно только мечтать.

Бойкот был стихийным действием, и столь же стихийно возникали независимые сцены. Уже в ночь под Рождество, с 24 на 25 декабря 1981 г., в варшавском костеле св. Анны был показан первый независимый театральный спектакль. Это была “Военная рождественская месса” в исполнении Кристины Круликевич, Эвы Смолинской и Анджея Щепковского. В феврале 1982 г. на частной квартире во Вроцлаве около 80 человек присутствовали на читке пьесы Казимежа Брауна “Валеза” [французское произношение фамилии Леха Валенсы]. Начался буквально обвал поэтических программ религиозно-патриотического характера, которые были показаны прежде всего в костелах по всей стране. Актеры выступали во время богослужений за отечество, которые стали также выражением протеста общества против военного положения. Выступали там и другие артисты, например певцы, в том числе одна из величайших польских певиц Стефания Войтович. А также известные эстрадные исполнители — Данута Ринн и Петр Щепаник.

Создавались самые разные театральные труппы, многие возникали как временные, без названия, в том числе так

называемые домашние театры, среди которых самым известным был театр, созданный в ноябре 1982 г. актрисой Театра повзехного Эвой Далковской. Этот-то театр и взял себе название Домашний театр, а его премьеры, проходившие исключительно на частных квартирах по всей стране, были настоящими событиями. До 1989 г. театр сыграл около 240 спектаклей, а в числе его премьер были, в частности, “Падение” Павла Когоута и пьеса будущего президента Чехословакии Вацлава Гавела “Largo desolato”.

Следует отметить, что независимый театр проникал даже в лагеря, где содержались интернированные. В 1982 г. в лагере в Яворе актер Мацей Райзахер поставил вторую часть “Дядюв” Адама Мицкевича с участием... известных сегодня политиков: Бронислава Коморовского и Тадеуша Мазовецкого, а также “Небожественную комедию” Зигмунта Красинского с участием известного русиста Анджея Дравича, политика и журналиста Александра Малаховского и экономиста Вальдемара Кучинского.

Существование учрежденной Тадеушем Качинским и Павлом Коницем Филармонии им. Ромуальда Траугутта само по себе было явлением. Филармония стала работать с начала 1983 г., в ее рамках давались концерты, ее программы шли в костелах по всей стране. С ней сотрудничали многие известные артисты, в том числе Михал Байор, Збигнев Запасевич, Анджей Лапицкий. Это учреждение действует и по сей день, несмотря на то, что его создатель Т. Качинский уже умер.

Столь же активными были и другие мастера. Художники выставляли свои произведения в многочисленных галереях при костелах, а также на частных квартирах, например, в варшавской квартире художника Яна Рылье. Необходимо отметить и такое явление, как “передвижные” выставки, начало которым было положено в январе 1982 г. во Вроцлаве (рисунки Яна Хвалчика были показаны в его мастерской, а потом в квартирах его друзей). Выставки такого рода, называемые также “чемоданными”, устраивались во многих городах, а экспозиционные поверхности часто бывали весьма необычными — например, заборы.

Своеобразным польским способом устраивать экспозиции были создаваемые в костелах перед Пасхой композиции Гроба Господня, которые проектировали известные художники, такие, как Ежи Калина, Мария Анто.

Изобретением журналистов и писателей стали “звучащие газеты”. Здесь авторы не публиковали текстов, а читали их,

выступая перед публикой. Чаще всего это происходило в костелах или приходских помещениях. Самой известной несомненно стала газета “НаГлос” (“Вслух”), созданная в декабре 1983 г. в Кракове как литературный ежемесячник. Не менее популярным был публицистический “Дзвонек недзельный” (“Воскресный колокольчик”), которым руководила с 1985 г. в Варшаве Рома Братковская.

Еще одним видом газеты была “Звуковая газета” Стефана Братковского: он записывал ее на кассетах, которые затем в размноженном виде распространялись по всей стране, подобно тому, как в последние годы существования ПНР — видеокассеты, созданные сатириком Яцеком Федоровичем, с самым знаменитым его циклом пародий на правительственные “Телевизионные новости”.

Под покровительством Церкви

В 1975 г. в костеле св. Анны, храме Варшавского университета, была организована Неделя христианской культуры. Отец Веслав Александр Невенгловский, который окормлял все творческие круги в стране, сказал, что в этот момент “Церковь официально и открыто преодолела прежнюю монополию культуры”, принадлежавшую властям ПНР. Недели христианской культуры со временем проводились все более широко и распространились по всей стране, став своего рода фестивалем независимого искусства. Особое значение это приобрело после объявления военного положения, когда артисты, писатели, журналисты, актеры, художники вместе со многими членами распущенной “Солидарности” нашли в Церкви материальную поддержку, а также покровительство для всевозможной независимой художественной деятельности.

Так, в костелах создавались храмовые галереи, устраивались театральные премьеры — например, спектакль по пьесе Т.С.Элиота “Убийство в храме” был впервые сыгран в варшавском соборе св. Иоанна Богослова; создавались университеты, в том числе для рабочих, велась пастырская деятельность по окормлению трудящихся, проводились поэтические вечера, дискуссионные встречи. Большинство таких мероприятий проводилось в сотрудничестве и с участием подпольной “Солидарности”, как например, в костеле Сталёвой-Воли, где таким центром руководила активистка “Солидарности” Эва Куберна, а опекал этот центр нынешний епископ свящ. Эдвард Франковский. Некоторые костелы по сию пору ассоциируются у нас прежде всего с культурной деятельностью, например, знаменитый костел на

Житной в варшавском районе Воля, который стал крупным культурным центром с того момента, когда известный искусствовед Януш Богущкий устроил там в 1983 г. выставку “Знак Креста”. Среди не оштукатуренных, не восстановленных со времен военной разрухи (там продолжался бесконечный ремонт) стен храма это междисциплинарное мероприятие, в котором участвовало около 60 художников и скульпторов, 46 фотохудожников, десятки актеров, музыкантов, композиторов, солистов и искусствоведов, продолжалось несколько недель. В рамках его были организованы, в частности, симпозиумы, сборные и сольные концерты, театральные спектакли, в частности, спектакли студенческого “Театра Восьмого Дня”, выступления которого были под запретом, демонстрировались фильмы.

С тех пор на Житной не проходило ни дня без культурного события. Там, в частности, ежегодно устраивались большие выставки под названием “Присутствие”, в которых приняло участие около 600 художников. Широкую известность приобрела подготовленная Марекком Ростворовским выставка “Новое небо, новая земля”. Некоторые театральные премьеры стали настоящими культурными событиями, как это было в 1985 г. с “Вечерей” Эрнеста Брыля в постановке Анджея Вайды с участием таких актеров, как Ежи Зельник, Кристина Янда, Даниэль Ольбрыхский, Ольгерд Лукашевич, Петр Махалица. Надо отметить, что в конце 80-х в костеле на Житной проходили встречи Гражданского комитета при Лехе Валенсе, превратившегося в своего рода подпольный парламент.

Подобного рода центрами культуры стали: катовицкая “Голубятня” при духовной семинарии; варшавский костел св. Станислава Костки, где центром притяжения для творческой интеллигенции и рабочих стал отец Ежи Попелушко, зверски убитый в 1984 г.; костел возле Рыночной площади варшавского Старого города, ставший центром пастырского окормления творческой интеллигенции; вроцлавская галерея “На Острове”. Крупнейшим мероприятием, которое инициировала Церковь, было создание Архиепископского музея в Варшаве, где постоянное пристанище нашел, в частности, независимый театр под руководством актрисы Ханны Скаржанки.

Запрещенные песенки

“Секира, мотыга, дракон вавельский / войну проиграет Ярузельский” — распевали по всей Польше во время военного положения. Это был парафраз песенки, популярной во времена оккупации, теперь же ее приспособили к новым временам. Мелодия этой песенки стала позывными подпольного радио

“Солидарность”, созданного известными деятелями оппозиции Зофьей и Збигневом Ромашевскими. Первая передача, продолжавшаяся всего несколько минут, прозвучала в апреле 1982 г., следующие выходы в эфир не были регулярными. Спустя несколько месяцев госбезопасности удалось арестовать работавшую на радио бригаду, но тогда это новое средство массовой информации поселилось в нашей стране навсегда. В одной только Варшаве во второй половине 80 х работали три радиостанции “Солидарность” с разной направленностью; такие радиостанции как самой “Солидарности”, так и других подпольных групп, в частности “Сражающейся Солидарности”, действовали и в других городах: в Познани, Вроцлаве, Гданьске, Кракове, Торуни и даже в таких небольших, как Свидник.

В целях безопасности применялись самые разные методы выхода в эфир: так, создатели радио “Солидарность” в Торуни прикрепляли передатчики к воздушным шарам, сделанным из камер пляжных мячей, и они перемещались таким образом, пока один из них не приземлился в Белоруссии. Все более популярным становилось “просачивание” на телевидение, особенно во время вечерних новостей — программы, которую все ненавидели за особую лживость. Зрители потешались, когда, например, генерал Ярузельский вдруг начинал говорить голосом одного из скрывавшихся в подполье лидеров “Солидарности” Збигнева Буяка, или на экране вместо обычной картинки появлялась заставка с надписью в поддержку запрещенного профсоюза.

Расширилась и деятельность подпольных издательств. Еще во второй половине 70 х по стране ходили магнитофонные кассеты с записями запрещенных песен или текстов. Первым стал использовать такой метод Ян Кшиштоф Келюс, который сам записывал свои песни на кассеты, размножал их и продавал, информируя, что эти записи были созданы “вне рамок государственной монополии на развлечения”. Но во время военного положения появились специализирующиеся в этом жанре студии звукозаписи, такие как “Нова-Кассета”, Фонографическая студия CDN [“Продолжение следует”] и множество более мелких, которые выпускали десятки записей с песнями, выступлениями кабаре, лекциями подпольных учебных заведений и даже подпольного университета.

К существовавшим с 70 х годов библиотекам запрещенных книг добавился прокат запрещенных кинофильмов. Переписанные на видео, в частности студией “Видео-Нова”, снабженные титрами — часто сам издатель заказывал перевод, — эти

фильмы можно было не только покупать, но и брать напрокат (такой прокат предоставлял в Варшаве известный сатирик Януш Вейсс), а также посмотреть на специальных показах в подпольных кинотеатрах.

У “Солидарности” в подполье были даже собственные киностудии. Одна из них работала при поддержке епископской курии в Гданьске, другая — “Независимое телевидение Мистшеёвице” — в известном своей разнообразной деятельностью в области культуры и самообразования костеле в краковском предместье Мистшеёвице, у свящ. Тадеуша Янцажа. Собственные фильмы снимала студия “Видео-Нова”, хотя ввиду отсутствия условий и монтажного оборудования приходилось передавать материал в Париж, где на работавшей в эмиграции студии “Видео-Контакт” их монтировали. Впрочем, студия “Видео-Контакт” была продюсером большого количества документальных фильмов, контрабандой привозившихся в Польшу. Эта студия была также одним из самых важных культурных институтов новейшей эмиграции, которые, в частности, наряду с парижской “Культурой” тесно сотрудничали с действовавшими в подполье издательскими и культурными институтами в самой Польше.

Организации

В №9 выходившего в подполье литературного журнала “Везване” (“Призыв”) за 1985 год был опубликован “Отчет о финансовой деятельности Фонда независимых художников” за период с 1 января 1982 по 31 декабря 1984 года. Из этого отчета можно было узнать, что в отчетный период поступления в Фонд составили 808 154 злотых, расходы — 595 240 злотых. Эти расходы складывались из 152 тысяч — на денежные пособия, 324 — на стипендии, около 63 тыс. злотых составили расходы на покупку независимой литературы для библиотек запрещенных книг. Художники сообщали также, что можно покупать билеты лотереи Фонда независимых художников. Нумерованные билеты продавались по 100 злотых.

Фонд независимых художников — это только один из примеров, ибо организаций такого рода в подполье было много. Часть из них создавалась по поручению руководства “Солидарности”, но большинство возникало само по себе, часто будучи продолжением деятельности, осуществлявшейся в тот период, когда “Солидарность” была еще легальной организацией. Речь идет о так называемых секциях, например, науки или образования, которые продолжали действовать по-прежнему, составляя вместе с секцией культуры так называемое ОКН — “Образование — Культура — Наука”, то есть

соглашение или, как его называли, консорциум непосредственно связанных с подпольным руководством “Солидарности” организаций: Общественного комитета науки, Комитета независимой культуры и Центра независимого образования.

Они координировали и инициировали деятельность в этих направлениях, в частности, создавая независимые университеты, которые занимались подготовкой преподавателей, разрабатывали учебные программы, оказывали финансовую поддержку ученым для исследовательских работ, в том числе предоставляя стипендии диссертантам.

В то время как Церковь предоставляла независимой деятельности прежде всего инфраструктуру и обеспечивала некоторую безопасность, “Солидарность” обеспечивала человеческие ресурсы, генерировала идеи, собирала средства, необходимые для этой деятельности. В том же номере журнала “Везване” было опубликовано высказывание анонимного (по конспиративным соображениям) представителя созданного в январе 1982 г. Комитета независимой культуры “Солидарность” о его деятельности: “Мы занялись прежде всего оказанием помощи независимым художникам и независимой культуре. Значительные суммы мы выделяем на пособия. Предоставляем авансы авторам — если потом независимое издательство заплатит, деньги возвращаются обратно в банк помощи. Только вот большинству издательств просто не из чего выплачивать гонорары. Поэтому Комитет дает издательствам дотации с условием, что авторам в итоге будет заплачено. (...) Те, кто не подчиняются [режиму], не получают государственных стипендий. Их произведения не покупают ни министерство, ни музеи. Тут мы можем действовать лишь символически, но мы покупаем картины по приличным ценам. (...) Оказание помощи актерам выражается прежде всего в дотациях на кассеты”.

Стоит добавить, что секции, входившие в состав консорциума, имели также свои издания и издательства, где они публиковали информацию как о своей деятельности, так и о ее результатах, например, периодические издания “КОС” [от Комитет общественной самообороны — КОС-КОР, прежний Комитет защиты рабочих, и в то же время “Дрозд”, изображенный над заголовком каждого номера], “Ту Тераз” (“Здесь Сейчас”) или “Культура незалежна” (“Независимая культура”). Надо отметить, что деятельность подпольных подразделений “Солидарности” была тесно связана с

восстановлением в подполье деятельности распущенных властями творческих союзов. Эта деятельность не могла бы стать столь масштабной без поддержки самых разных зарубежных комитетов помощи “Солидарности”, а также без помощи специализированных учреждений, таких как созданный в 1982 г. в Париже Фонд помощи независимой польской литературе и науке.

Не менее важную роль сыграли фонды и организации, объединявшие независимых издателей, — например, Фонд независимых издательств, который поддерживал издательские инициативы, субсидировал редакции изданий и финансировал переводы, а также Страховой фонд независимых издательств или Общественный совет независимых издательств.

Одним из признаков нормальности в ненормальных условиях военного положения были премии, прежде всего высоко ценимые премии “Солидарности” в области культуры, присуждавшиеся Комитетом независимой культуры. Этими премиями были награждены несколько десятков независимых артистов, писателей, художников, режиссеров, деятелей культуры, издателей и редакций подпольных изданий, но премии получали и те, кто создал нечто достойное, не выходя за рамки официальной культуры, как например, художник Эдвард Двурник, который после 13 декабря не участвовал в бойкоте. Премии присуждали также отдельные региональные отделения “Солидарности”, подпольные издания или действующие в подполье творческие организации, как Союз польских журналистов. Стоит отметить, что в 1987 г. премию “Солидарности” Нижней Силезии получила русская поэтесса и переводчица Наталья Горбаневская (“за особый вклад в укрепление подлинной дружбы между народами Польши и России”).

Оживление в художественную и культурную жизнь вносили также многочисленные конкурсы, которые объявляли главным образом выходявшие подпольно издания, начиная с конкурса на лучший плакат, литературный текст, дневник военного положения, мемуары, лозунги против выборов, “фрашки-выборашки” [эпиграммы на тему выборов] (первой премии был удостоен режим “за творчество в целом во время выборов”), и заканчивая конкурсом эротических текстов.

Социалистический сюрреализм

Актеры, работавшие в труппе Домашнего театра, вспоминают как самое большое приключение одно выступление во Вроцлаве в 1984 г.: во время спектакля, на который пришло большое

количество зрителей (судя по всему, более 100 человек) в квартиру нагрянули сотрудники госбезопасности. Они ворвались во время спектакля, предъявили удостоверения, и даже якобы кто-то из них крикнул: это не театр, а органы. Однако это не подействовало на зрителей, которые подумали, что приход гебешников — запланированный элемент театральной инсценировки, и прекрасно развлекались. До тех пор пока все — и актеры, и зрители — не оказались в милицейских машинах, которые отвезли их в участок.

Конспирация была обязательной — все старались ограничить “участие” секретных служб и милиции в независимых культурных акциях. Но была такая группа — она возникла во Вроцлаве, — которой присутствие этих господ не мешало. Не только не мешало, а даже планировалось и было желательно. Речь идет об уличных хепенингах, которые устраивала с 1985 г. “Оранжевая альтернатива” во главе с Вальдемаром Фидрихом по кличке Майор.

В изданном еще в 1981 г. “Манифесте социалистического сюрреализма” утверждалось, что весь мир и “отдельный патрулирующий улицу милиционер” представляют собой произведение искусства. Этому тезису авторы хепенингов были верны постоянно. А в их акциях, наряду со многими тысячами молодых людей, активно участвовало множество милиционеров и “искусствоведов в штатском”, которые требовали предъявления документов и задерживали искренне веселившихся участников таких акций как, например, День сексота, праздник Октябрьской революции с инсценировкой штурма Зимнего — то бишь кафе “Барбара” на ул. Свидницкой, — с участием броненосца “Потемкин” и крейсера “Аврора”, сделанных из картона, или таких праздников, как 8 марта, День защиты детей, День милиции и госбезопасности, когда прохожим раздавались штрафы. Оружием участников хепенингов был смех, который парализовал органы, направленные против них.

Одной из самых громких акций “Оранжевой альтернативы” был хепенинг, организованный в декабре 1987 г., когда участники вышли на улицы все как один в костюмах Деда Мороза. Милиция тогда вмешалась и арестовала не только раздававших конфеты нарядившихся участников забавного спектакля, но и настоящих Дедов Морозов, стоявших перед магазинами и зазывавших прохожих делать покупки. “Революция гномов”, в которых больше всего любили переодеваться участники руководимых Майором акций, вскоре распространилась по всей стране и, возможно, оказала влияние

на то, что коммунисты вскоре осознали абсурд системы. В конфронтации оранжевых шапочек с дубинками последние оказались бесполезными.

Тихие и гоготуны

В 1964 г. сатирик, переводчик и поэт Януш Шпотанский написал сатирическую оперу “Тихие и гоготуны, или Бал у президента”. Он сам исполнял ее друзьям на частных квартирах, она распространялась также в виде многочисленных магнитофонных записей.

Опера не очень-то понравилась властям. В 1967 г. к 3 годам тюрьмы, в частности, за хранение пленки с записью “Тихих и гоготунов” была приговорена Нина Карсов. Столь же сурово власти расценили вину самого автора, приговорив его в 1968 г. к тем же трем годам тюрьмы. Больше всех тогда обиделся первый секретарь ЦК ПОРП Владислав Гомулка: в опере он фигурировал под именем “Гном” — и назвал оперу “реакционным произведением, проникнутым садистским ядом ненависти к нашей партии”. Он увидел там и порнографические “мерзости, на которые может решиться разве что человек, живущий в сточной канаве, человек с моралью альфонса”. Однако упрямый автор не прекратил сочинять куплеты, называемые операми, в том же году Варшава распевала записанную на пленку и переданную на волю из тюрьмы “Балладу о Лупашке” — песенку о писателе Павле Ясенице, которого Гомулка травил как мог.

Мог ли кто-нибудь тогда подумать, что этот шарж в индивидуальном исполнении станет предвестием наступившего много позже почти массового существования независимой культурной жизни в 80 е годы? Но Шпот, как все его называли, на собственном примере показал, что можно создавать и распространять собственные произведения, не обращая внимания ни на государство, ни на цензуру, и это потом было подхвачено сперва немногочисленными в 1976–1980 гг., а затем весьма многочисленными — в 1980–1989 гг. — последователями. В то десятилетие, когда независимая культура стала альтернативой культуре официальной, контролируемой государством.

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• “Польша вступает в 2006 год в совершенно новой ситуации: вся власть сосредоточилась в руках одного формирования — “Права и справедливости” (ПиС). Есть основания предполагать, что благодаря поддержке таких радикальных партий, как “Самооборона”, “Лига польских семей” и аграрная партия ПСЛ, правительство меньшинства Казимежа Марцинкевича обретет политическую стабильность. Оно может рассчитывать на сплоченный и управляемый твердой рукой политический лагерь (ПиС), а также на очень лояльного президента; его союзники не уверены в своей судьбе на политической сцене, а оппозиция не в состоянии составить ему альтернативу. Никто не хочет и скорого повторения парламентских выборов — ведь после блестящих побед ПиС и Леха Качинского можно ожидать, что они добьются еще лучших результатов. Таким образом, все эти группировки заинтересованы в сохранении нынешней расстановки сил в парламенте, тем более что в 2006 г. Польшу ожидают выборы в органы местного самоуправления. Это очень серьезное испытание для политических партий, так как [после вступления Польши в ЕС] в ведение этих органов переходит все больше власти и денег”. (Янина Парадовская, “Политика — Экономист”, специальный выпуск, дек.-февр.)

• “Наиболее вероятный сценарий таков: несмотря ни на что экономика будет развиваться в ранее намеченном направлении. Несмотря на бурные двойные выборы, 2005 год завершился в экономике довольно спокойно. Темпы экономического роста ниже, чем предполагалось, но тем не менее вполне приличные; промышленность и сфера услуг развиваются; несмотря на сильный злотый, экспорт процветает; уровень зарплаты и инфляции остается под контролем; уровень безработицы постепенно снижается. Часто подвергавшееся насмешкам технократическое правительство Марека Бельки просуществовало всего год, но справилось со своими задачами вполне неплохо, особенно если принять во внимание, что у него не было политической поддержки”. (Петр Тарновский, “Политика — Экономист”, специальный выпуск, дек.—февр.)

- “Правительство Марцинкевича представило т.н. начальный доклад. В отличие от подобных документов предыдущих команд его подготовили независимые эксперты из Центра им. Адама Смита”. (“Тыгодник повсехный”, 4 дек.)

- “До сих пор явными были только имущественные декларации депутатов Сейма и органов местного самоуправления, а также сенаторов. Правительство Марцинкевича впервые опубликовало данные об имуществе министров. Декларации премьер-министра, министров и высокопоставленных чиновников Канцелярии премьера можно найти на сайте Канцелярии (www.kprm.gov.pl)”. (“Газета wyborcza”, 29 ноября)

- Министр здравоохранения Збигнев Релига: “Я умею расправляться с оппонентами. После первой пересадки сердца моя среда хотела, грубо говоря, перегрызть мне горло. А когда в конце 80 х я осмелился пересадить человеку сердце свиньи, меня даже хотели лишить диплома. Так что я человек закаленный: на глаза — наглазники, в уши — вату, и за дело. Лишь бы только уметь слушать тех, кто умнее меня. И знать: надо делать то, что хочешь и считаешь правильным”. (“Политика”, 26 ноября)

- “Злотый укрепляется (...) В понедельник за евро платили меньше 3,89 злотых (...) По мнению иностранных инвесторов (...) события будут развиваться по оптимистическому сценарию, т.е. в будущем году дефицит не превысит 30 млрд. злотых. Инвесторы исходят из того, что польские политики говорят правду”. (“Газета wyborcza”, 29 ноября)

- “В течение трех первых кварталов 2005 г. суммарная чистая прибыль [польских] банков вплотную приблизилась к показателю за весь 2004 год (...) Высокую прибыль банков обеспечивает прежде всего рост объемов выдаваемых кредитов (...) Если физические лица берут кредиты все более охотно, то в сфере кредитования предпринимателей оживления все еще не заметно. Зато на счетах предприятий все больше депозитов”. (“Жечпосполита”, 16 ноября)

- “После открытия границ ЕС, несмотря на укрепление злотого, объем нашего экспорта продуктов питания ни на минуту не перестал расти (...) С января по сентябрь польские предприятия отправили за границу продуктов питания на сумму свыше 5 млрд. евро, т.е. на 36% больше, чем год назад (...) Главный импортер продуктов питания из Польши — Евросоюз, куда идут почти три четверти нашего экспорта. За три первых квартала 2005 г. экспорт польских продуктов питания в страны ЕС вырос на 40%”. (“Жечпосполита”, 29 ноября)

- “Польское правительство — одно из самых щедрых в Европе, если речь идет о поддержке неэффективных предприятий. По последним брюссельским данным, в прошлом году на государственную помощь мы предназначили 2,9 млрд. евро”. Это 1,47% польского ВВП, что дает нам четвертое место в ЕС. Мальта тратит на подобные цели 3,1% ВВП, затем идут Финляндия и Кипр, а за ними Польша. (“Жечпосполита”, 9 дек.)

- “Наконец добрались и до общественных туалетов. Начиная с 2006 г. их владельцы должны будут установить контрольно-кассовые машины, а к ценам услуг прибавить 7% НДС. Туалетам не избежать налога — этого требует от нас Евросоюз. А клиенты на основании чека смогут подать рекламацию”. (“Жечпосполита”, 28 ноября)

- Согласно опросу ЦИОМа, “уже 43% поляков готовы поддержать на выборах “Право и справедливость”, а “Гражданскую платформу” (ГП) — только 28%. Это означает, что по сравнению с результатами сентябрьских парламентских выборов электорат ПиС увеличился в 1,5 раза. Поддержка ГП тоже возросла по сравнению с выборами, но лишь на 4%. Остальные партии, вошедшие в парламент, понесли потери. “Самооборона” получила бы сегодня 8% голосов, т.е. на 3% меньше, чем на выборах. “Лига польских семей” балансирует на грани избирательного барьера с 5 процентной поддержкой. Это тоже на 3% меньше, чем на выборах. Больше всех потерял “Союз демократических левых сил” (СДЛС) — вместо прежних 11,31 теперь его поддерживают 5% опрошенных. А аграрная партия ПСЛ вообще не вошла бы в Сейм”. (“Газета wyborcza”, 22 ноября)

- “ПиС хочет открыть по всей стране 600 приемных. Иными словами, приемная ПиС будет в каждом повете и в крупнейших гминах. В связи с этим во многих городах партия уже начала искать новые помещения”. (“Жечпосполита”, 19–20 ноября)

- Вальдемар Кучинский: “Если бы меня попросили назвать главное новшество, которое принесли минувшие выборы, то я бы сказал, что как проголосовавшие, так и не явившиеся на участки избиратели подвергли демократические институты проверке на прочность. Фактически они передали огромную власть одному человеку — Ярославу Качинскому. Он — единовластный хозяин партии, огромной части Сейма, сенатского большинства, всего правительства и новоизбранного президента. Ничего подобного в Третьей Речи Посполитой еще не было (...) Вдобавок эта власть ситуативная, неявная, производная от расклада сил после выборов. Ярослав Качинский — лишь один из депутатов и глава одной из партий.

Его огромное влияние распространяется вне демократических институтов и не подлежит конституционной ответственности”. (“Газета wyborcza”, 18 ноября)

- В подготовленном ЦИОМом рейтинге доверия к политикам первое место занял новоизбранный президент Лех Качинский — ему доверяют 66, а не доверяют 20% поляков. Следующие места заняли: Александр Квасневский (соответственно 62 и 20%), Ярослав Качинский (60 и 23%), премьер-министр Казимеж Марцинкевич (59 и 14%) и Дональд Туск (57 и 24%). Анджей Леппер занял 9-е место — ему доверяют 41, а не доверяют 44% опрошенных. Девятнадцатое место с 25% доверия и 52% недоверия занял Лешек Бальцерович. (“Газета wyborcza”, 1 дек.)

- “Ярослав Качинский должен извиниться перед мазовецким активистом СДЛС Станиславом Шепетовским и передать 10 тыс. злотых Польскому Красному Кресту за то, что назвал СДЛС “преступной организацией””. (“Тыгодник powszechny”, 4 дек.)

- Станислав Лем: “Сегодня в польской печати трудно найти что-нибудь другое кроме братьев Качинских. Что показывают по телевизору, не знаю — я его не смотрю, — но, кажется, то же самое (...) По-моему (...) то, что захлестнуло страницы наших газет, вне Польши никого не интересует”. (“Тыгодник powszechny”, 20 ноября)

- Вице-маршал Сейма Анджей Леппер: “Есть люди, созданные править, и все остальные, которыми надо управлять. Я умел командовать всегда — на футбольном поле, на ринге, в армии. Теперь все будет точно так же: “Самооборона” осуществит то, что запланировала, а я приведу ее к власти!” (“Газета wyborcza”, 19-20 ноября)

- “Польские предприниматели и Анджей Леппер создадут совместную группу экспертов для разработки изменений в законодательстве. “Я не заметил у председателя “Самообороны” признаков популизма”, — сказал председатель “Business Center Club” Марек Голишевский”. (“Газета wyborcza”, 6 дек.)

- Стефан Братковский: “То, что предприниматели из “Business Center Club” видят в Леппере человека, посланного судьбой, и хотят реформировать экономику под его высоким покровительством, напоминает мне “Носорога” Ионеско”. (“Жечпосполита”, 10-11 дек.)

- “Десять тысяч слушателей радио “Мария” со всей Польши и из-за границы отметили в Торуни 14 й день рождения своей радиостанции. “Да здравствует мохеровая революция!” — кричал им [директор радиостанции] о. Тадеуш Рыдзык (...) В церкви в первых рядах разместились политики (...) в частности, маршал Сейма Марек Юрек (ПиС) и вице-маршал Анджей Леппер (“Самооборона”) (...) Присутствовали и министры — юстиции Збигнев Зебро и координатор спецслужб Збигнев Вассерман”. (“Газета выборча”, 8 дек.)

- “Выражение “мохеровый берет” становится неотъемлемой частью польского языка (...) Типичным представителем определяемой таким образом общественной группы считается пожилой человек, чаще всего женщина, придерживающийся консервативных, национал-католических взглядов, уверенный в своей правоте и закрытый для других идей. Он слушает радио “Мария”, смотрит телеканал “Трвам” [“Держусь”] и читает “Наш дзенник” (все три основаны о. Рыдзыком — Ред.). Определение “мохеровые береты” приводит на мысль, с одной стороны, популярные головные уборы, а с другой — применяемую в армии идентификацию различных боевых отрядов (...) “Семья радио “Мария”” — неформальная структура приверженцев о. Рыдзыка — по приблизительным оценкам, насчитывает 6 млн. человек (...) Кружки друзей радио “Мария” есть в каждой епархии и почти в каждом приходе. Их база — местные отделы радио “Мария””. (“Политика”, 3 дек.)

- Станислав Тым, сатирик: “Что я знаю о священнике из Торуни? То же, что и каждый, кто его поддерживает, — ничего не знаю. Не знаю, где он был, что делал. Говорят, он не платит налоги. Почему? Я не знаю, почему. Видимо, у него есть разрешение. Сейчас как раз идут юбилейные торжества... Мы должны радоваться: есть радио, есть телевидение, есть газета. Разве это не прекрасно? — спрашивает все мое правительство. А я говорю: это самое прекрасное, что только можно себе представить!” (“Жечпосполита”, 10-11 дек.)

- “Епископы ставят вопрос ребром: радио “Мария” угрожает единству польской Церкви. Поэтому в решении проблемы должен участвовать Ватикан (...) По мнению главы ватиканской дипломатии архиепископа Джованни Лайоло, подобные вопросы не относятся к компетенции Апостольского Престола и должны решаться внутри поместной Церкви”. (“Газета выборча”, 9 дек.)

- Проф. Шевах Вейс, бывший посол Израиля в Польше: “Многие жители Влоцлавека, Кракова, Варшавы, Гданьска, Вроцлава, Лодзи или Люблина помнят живших там евреев. Но особенно

этим отличается Ченстохова (до 1939 г. там жило 30 тыс. евреев, в настоящее время — всего 39 человек), ставшая настоящим образцом польско-еврейских отношений (...) Исключительно бережное отношение жителей и властей Ченстоховы к памяти о еврейском населении этого города заслуживает тем большего уважения, что это чрезвычайно важное место для польского католицизма”. (“Впрост”, 4 дек.)

- ““Я не допускаю даже мысли о том, чтобы у представителя церковной иерархии могли быть какие-то проявления антисемитизма”, — сказал вчера архиепископ Станислав Дзивиш во время встречи с послан [Израиля] Давидом Пелегом (...) Как сообщил пресс-секретарь [краковской] курии свящ. Роберт Ненцек, визит [посла] способствовал укреплению связей между католической Церковью и евреями”. (“Газета wyborcza”, 18 ноября)

- “На украинском кладбище в Павлокоме начался монтаж гранитных крестов, которые должны увековечить 366 жителей села, убитых партизанами Армии Крайовой в 1945 году (...) Памятник в Павлокоме будет поставлен на основании договора об охране могил поляков на Западной Украине и украинцев в Восточной Польше”. (“Газета wyborcza”, 8 дек.)

- В преддверии выборов в органы местного самоуправления Украины 80 украинских депутатов местного уровня провели неделю в Польше, знакомясь с опытом польских гмин. Депутаты разделились на группы, которые на пять дней разъехались по разным регионам Польши. В окрестностях Быдгоща украинские депутаты наблюдали эффекты рекультивации земель бывших госхозов, в окрестностях Люблина — эффекты благоустройства бывших военных баз, в Нижней Силезии познакомились с ситуацией в бывших шахтах, а в Контах-Вроцлавских — с методами привлечения инвесторов. (“Газета wyborcza”, 14 ноября)

- ““Мы заложили прочные основы сотрудничества свободной Польши со свободной Украиной”, — сказал в Киеве Александр Квасневский, в последний раз посетивший Украину в качестве президента. Украинцы приняли его необычайно тепло. Президент Виктор Ющенко наградил польского лидера орденом “За заслуги” и напомнил о роли, которую Квасневский сыграл в качестве посредника во время прошлогодней “оранжевой революции”. “Сегодня опросы общественного мнения показывают, что три четверти украинцев считают Польшу страной, дружественной Украине. Это в значительной степени заслуга Александра Квасневского”, — сказал Ющенко”. (“Газета wyborcza”, 25 ноября)

- “На второй день своей прощальной поездки в Киев президент Александр Квасневский получил степень почетного доктора Киево-Могилянской академии (...) В посольстве Польши президенту нанесла визит Юлия Тимошенко — бывший премьер-министр и один из лидеров “оранжевой революции” (...) Кроме того, в здании посольства президент Квасневский встретился с Леонидом Кучмой”. (“Газета wyborча”, 26-27 ноября)

- Министр иностранных дел Стефан Меллер: “В реакции Москвы на внешние события преобладает политика (...) Причина ведь не в том, что таможенник или инспектор вдруг проснулся (...) Информация [о запрете на импорт польских сельхозпродуктов] появилась накануне создания нового правительства (...) Боюсь (...) что момент, страна и повод были выбраны неслучайно (...) Совершенно очевидно, что это не невинное решение (...) Мы будем оказывать Украине недвусмысленную поддержку. Но это уже не только наша политика. Еще год назад к нашим действиям присоединился Евросоюз (...) Подобным образом, хотя и несколько иначе, выглядят в настоящее время вопросы, связанные с Белоруссией. Они уже вписаны в планы Брюсселя. Полностью суверенная, свободная, демократическая, а в конечном итоге вступившая в ЕС Украина — это основа нашей внешней политики”. (“Жечпосполита”, 14 ноября)

- Виталий Портников, журналист “Радио Свобода”: “У России и Польши совершенно разные стратегические интересы (...) Польша хочет диверсифицировать поставки энергоносителей, добиться общей позиции европейцев по отношению к Москве, содействует большей самостоятельности Украины и хотела бы большей самостоятельности Беларуси. Россия хочет диверсифицировать транзит энергоносителей, стремится общаться с “большими” и богатыми европейскими странами и не замечать маленьких и бедных, делает все возможное, чтобы восстановить свои позиции на Украине и собирается создавать с Белоруссией конфедерацию (...) Кремль привык к контактам лишь с двумя категориями собеседников. Первая — это вассалы, но среди них нет места президенту Польши. Вторая — это сильные противники (...) Чтобы войти в эту группу, нужно руководить сильным, стабильным государством, с которым нельзя не считаться. Если Лех Качинский (...) будет строить такое государство, он может рассчитывать на успех”. (“Жечпосполита”, 14 ноября)

- “Министр иностранных дел Стефан Меллер, который еще несколько дней назад был послом Польши в Москве, полтора

часа разговаривал с министром [иностраннных дел РФ] Сергеем Лавровым. Министр Меллер надеется, что вскоре Россия отменит свое торговое эмбарго. В беседе Лавров несколько раз подчеркнул его временный характер. “Действительно, с нашей стороны имели место определенные махинации. Думаю, что этим займутся соответствующие службы государственной администрации”” [сказал Меллер]. В ноябре Россия ввела запрет на ввоз из Польши мяса, а вскоре после этого — продуктов растительного происхождения, обвинив наши предприятия в использовании поддельных ветеринарных документов”. (“Жечпосполита”, 15 ноября)

- ““Для переговоров об изменении способа установления цен на поставляемый Польше российский газ нет оснований”, — написали руководители концерна “Польская нефте- и газодобыча” в письме российскому поставщику “Газэкспорт”. Письмо было ответом на российское предложение о встрече для пересмотра цен на газ”. (“Жечпосполита”, 16 ноября)

- Адам Подольский из варшавского Центра международных отношений: “Недавний российский запрет на ввоз нашего мяса и растительных продуктов настолько абсурден, что вызвал изумление польских экспортеров и политиков (...) Такое впечатление, что вся эта афера с польскими продуктами питания рассчитана на краткосрочную “политическую” дипломатию, когда фиаско очередных провокаций и конфронтационных ходов лишь приводит в бешенство и вызывает соблазн еще более обострить взаимоотношения (...) Действуя таким образом, Москва сама сводит на нет влияние пророссийского лобби в польской политике (...) Отвергнутые Кремлем польские производители найдут другие, более надежные и проверенные рынки, а польские нефтеперегонные заводы — более надежных, хотя и более дорогих поставщиков”. (“Газета wyborcza”, 22 ноября)

- “Московская газета “Ведомости” открыла, почему “Газпром” угрожает Польше повышением цен на газ. Это должна быть месть нашим властям, которые не соглашаются снизить тариф на транзит российского газа в Германию польско-российской компанией “ЕвроПолГаз””. (“Газета wyborcza”, 25 ноября)

- Галина Корнилова: “Для меня четвертое ноября всегда было праздничным днем — ведь это день празднования иконы Казанской Божьей Матери (...) Как известно, новый праздник вывел на улицы столицы тесные ряды молодых черносотенцев (...) Должна признаться, что, видя в этот день гуляющие по городу толпы “патриотов”, я испытывала жгучий стыд за них (...) Я глубоко убеждена, что этот марш черной сотни был

направлен не только против так называемых инородцев, т.е. всевозможных “чуждых элементов”. Очевидно, что в первую очередь он был направлен против нас, против самой России и ее будущего”. (“Жечпосполита”, 26–27 ноября)

- Ежи Помяновский: “Нам довольно простого факта: надо было забраться аж в 1612 год, чтобы откопать вред, причиненный русским поляками, и сделать эту годовщину государственным праздником. Кроме того мы убедились, что не стоит лезть в драку с полонофобами. Намного более действенный ответ — благодарность, выраженная тем благородным русским, которые относились и относятся к Польше дружелюбно и с пониманием. Так было 16 апреля 2005 г., когда президент Польши удостоил высоких наград целый ряд деятелей российского “Мемориала”, внесших огромный вклад в раскрытие тайн катынского преступления”. (“Жечпосполита”, 26–27 ноября)

- “Почему россияне ограничивают импорт из Польши? Потому что они считают, что польские экспортеры подделывают фитосанитарные свидетельства. По данным наших властей, они насчитали 37 случаев таких подделок на более чем 26 тыс. выданных в этом году свидетельств. Подделаны были главным образом документы, дающие право продавать в России цветы, импортированные из Голландии и Эквадора”. (“Жечпосполита”, 29 ноября)

- Константин Косачев, председатель комитета Государственной Думы по международным делам: “Если бы вы вели себя в отношении России по-дружески, то мы могли бы стать партнерами. Но вы выкручиваете России руки, и нам приходится реагировать соответствующим образом”. (“Газета выборча”, 30 ноября)

- Директор по делам ЕС в МИДе Павел Свобода: “Мы все еще надеемся, что спор ограничится экономическими вопросами, но россияне не отвечают на наши письма и звонки”. (“Жечпосполита”, 30 ноября)

- “Россияне расширили список польских продуктов, которые они не хотят пропускать на свою территорию (...) Кроме продуктов питания в нем оказались, в частности, изделия из дерева”. (“Жечпосполита”, 30 ноября)

- “Газ и нефть — основные товары, импортируемые нами из России. На восток польские фирмы продают все больше машин, приборов и продуктов питания. Уже несколько лет объем польского экспорта в Россию быстро растет. В 2004 г. мы

продали туда товаров на сумму 2,18 млрд. долларов (...)
Первыми в списке идут (...) электроприборы. За первые десять месяцев 2005 г. россияне купили у нас этой продукции на сумму 755,7 млн. долларов. Второе место по объему продаж занимают продукты химической промышленности (...) За первые три квартала 2005 г. объем экспорта этих продуктов достиг почти 645 млн. долларов (...) Уже много лет из-за нефти и газа в нашей торговле с Россией наблюдается высокий дефицит. Но, следя за показателями польских экспортеров, наши чиновники утверждают, что в будущем наш торговый обмен, возможно, удастся уравновесить". ("Жечпосполита", 30 ноября)

- "Россия и Германия полны решимости строить вызывающий споры газопровод по дну Балтийского моря. Однако Москва "будет рада" участию в проекте польских инвесторов (...) Сергей Лавров подчеркнул, что все переходы собственности возможны лишь при условии, что Россия сохранит 51% акций". ("Жечпосполита", 5 дек.)

- "“Польша не заинтересована в подключении к ответвлению российско-немецкого газопровода по дну Балтийского моря””, — заявили представители министерства экономики". ("Газета wyborча", 6 дек.)

- "Два миллиона поляков должны были погибнуть или получить ранения в ходе войны коммунистического блока с НАТО. Почти все крупные города были бы разрушены в результате ядерной и химической атаки. В случае конфликта Польша должна была стать главным театром военных действий. Советские военные намеревались уничтожить сухопутные силы НАТО на территории Польши ракетами с ядерными и химическими боеголовками. Такая атака практически стерла бы нашу страну с лица земли. Польские войска должны были нанести удар по северной Германии, Голландии, Бельгии и Дании. Такой военный сценарий предусматривали планы Варшавского договора (...) Документы Варшавского договора, хранившиеся прежде в архивах Войска Польского, будут переданы в Институт национальной памяти (ИНП) (...) "Эти документы свидетельствуют о том, в чем заключалась и как осуществлялась наша зависимость от Советского Союза", — говорит директор ИНП проф. Леон Керес". ("Жечпосполита", 26-27 ноября)

- "Поезд сообщением Киев — Берлин, принадлежащий Украинским железным дорогам, приближался к польско-немецкой границе, когда внезапно кто-то нажал на стоп-кран. Неизвестные бандиты обокрали восьмерых россиян и двоих немцев". ("Газета wyborча", 8 дек.)

- “Четырнадцать тысяч заключенных сверх допустимой нормы, свыше ста исков с требованием компенсации за пребывание в переполненной камере, 35 тысяч человек, не принятых в тюрьмы из-за отсутствия мест, — такова ситуация, которая не может продолжаться вечно (...) Несколько лет назад, когда Европейский суд по правам человека в Страсбурге впервые начал присуждать компенсации за практикующееся в Польше слишком долгое предварительное заключение, мы пережили удивление и шок (...) Ситуация может повториться. На этот раз из-за нарушения европейских норм заполненности тюрем”. (Станислав Падемский, “Жечпосполита”, 15 ноября)

- “ИНП утверждает, что военная юстиция неохотно привлекает к ответственности своих бывших судей и прокуроров, виновных в коммунистических преступлениях (...) В министерстве юстиции созданы две группы, которые должны заняться подготовкой реорганизации прокуратур и судов”. (“Жечпосполита”, 28 ноября)

- “Вчера суд признал виновными Збигнева Соботку, Генрика Длугоша и Анджея Ягелло. Приговор вступил в законную силу. Трое бывших депутатов СДЛС попадут в тюрьму за утечку информации в г. Стараховице. Краковский апелляционный суд оставил в силе приговор Соботке (3,5 года лишения свободы), но сократил сроки Длугошу [1,5 года] и Ягелло [1 год]. По мнению суда, бывший замминистра внутренних дел и администрации [Збигнев Соботка] не только разгласил государственную и служебную тайну, но и подверг опасности жизнь и здоровье полицейских из Центрального следственного бюро, участвовавших в спецоперации против стараховицкой преступной группировки”. (“Жечпосполита”, 17 ноября)

- “За три недели до истечения своих полномочий президент Александр Квасневский принял самое спорное решение за все 10 лет правления: начал процедуру помилования Соботки, причем в ускоренном порядке (...) Что склонило президента к таким действиям?” (“Ньюсуик-Польша”, 11 дек.)

- “После получения ходатайства Збигнева Соботки президент Александр Квасневский был обязан начать процедуру помилования. Закон предписывает рассматривать ходатайства всех лиц, обратившихся к президенту по подобным вопросам. В течение первого президентского срока Александра Квасневского в его канцелярию поступило 20 988 ходатайств о помиловании. Президент помиловал 3295 человек. На протяжении второго срока из 25 197 ходатайствовавших президент помиловал 974 осужденных (...) Однако ни один случай помилования не вызвал таких эмоций, как случай

Збигнева Сobotки, — прежде всего потому, что Александр Квасневский прибег к ускоренному порядку рассмотрения дела”. (“Политика”, 10 дек.)

- “Репортер газеты “Жечпосполита” Анна Маршалек и президент Александр Квасневский получили премии еженедельника “Юропиан войс”. Анна Маршалек удостоилась звания “Европейского журналиста 2005 года” за “неустанное расследование, в ходе которых удалось выявить крупные польские коррупционные скандалы” (...) однако прежде всего — за выявление “старуховицкой аферы”. В 2001 г. она написала нагумевший текст о коррупции в министерстве национальной обороны, в результате чего замминистра обороны Ромуальд Шереметев лишился своего поста (...) Президент Александр Квасневский получил звание “Европейского государственного деятеля” за “его роль в обеспечении мирного характера “оранжевой революции” на Украине””. (“Жечпосполита”, 30 ноября)

- “Изумление, порой шок — такова была реакция на известие, что Александр Квасневский будет свидетелем на беатификационном процессе Иоанна Павла II”. (“Жечпосполита”, 9 дек.)

- “После трехмесячной разлуки Эва и Малгося, дочери Ирены и Здислава Мазгаев из деревни Новоселье близ Санюка, вернулись домой (...) Суд счел, что родители-инвалиды могут обеспечить им уход и девочки не нуждаются в приемных родителях (...) Приемные родители не скрывали своего горя. Они приготовили детям подарки (...) После статьи в “Жечпосполитой” на помощь Мазгаям поспешили многие люди (...) Жители Новоселья скинулись на адвоката, отремонтировали дом Мазгаев, сделали в нем ванную (...) Вся деревня радуется, что дети вернулись к своим родителям”. (“Жечпосполита”, 9 дек.)

- “В загоне, прилегающем к магазину на ул. Цибернетики, 6 в Варшаве, уже шесть лет живут козел и коза. Хозяева магазина спасли их от съедения. “Мне подарили их на именины, чтобы зажарить на вертеле, но мне стало их так жаль, что они остались у нас”, — объясняет Влодзимеж Сибильский. Козы находятся под постоянным ветеринарным наблюдением. Когда кто-нибудь подходит к загону, они тут же выбегают посмотреть, не принесли ли им чего-нибудь вкусного. “У самки немного скверный характер, она не любит женщин, — говорит Сибильский. — Поэтому на всякий случай мы повесили предупреждающую табличку””. (“Жечпосполита”, 14 ноября)

- “Варшавяне массово устанавливают на карнизах домов иглы против голубей (...) Если темп защиты домов иглами удержится на нынешнем уровне, голубям останется лишь сидеть на деревьях и фонарях — разве что их прогонят и оттуда”. (“Газета wyborcza”, 17 ноября)

- “Я и мой 12-летний сын пережили шок в гипермаркете “Теско” на Полчинской ул. [в Варшаве]. Сын обнаружил, что у всех плавающих в бассейне живых карпов отрезаны спинные и боковые плавники. После этого он полдня плакал, — рассказывает потрясенный читатель “Газеты wyborczej”. — Как мне объяснить ему такие бесчеловечные действия взрослых?” (“Газета wyborcza”, 7 дек.)

- Начиная с послевоенных лет в рамках т.н. планирования лесного хозяйства мазурские леса систематически вырубаются — в т.ч. и на территории Мазурского ландшафтного парка (...) Исчезают прекрасные старые древостои (...) С недавнего времени рубка лесов сопровождается массовым спиливанием придорожных деревьев (...) Ежегодно на Мазурах спиливают около трех тысяч придорожных деревьев! (...) Отстрел лесных зверей охотниками (...) на территории мазурских лесов можно сравнить с бойней”. (“Казимеж Орлось, “Жечпосполита”, 19-20 ноября)

- Джаред Даймонд: “Современная цивилизация не более разумна, чем культура бесписьменных полинезийцев (...) Причина падения многих цивилизаций заключалась в бессознательном экологическом самоубийстве”. (Мартин Милковский, “Ньюсуик-Польша”, 18 дек.)

- “Польша вступает в 2006 год в совершенно новой ситуации: вся власть сосредоточилась в руках одного формирования — “Права и справедливости” (ПиС). Есть основания предполагать, что благодаря поддержке таких радикальных партий, как “Самооборона”, “Лига польских семей” и аграрная партия ПСЛ, правительство меньшинства Казимежа Марцинкевича обретет политическую стабильность. Оно может рассчитывать на сплоченный и управляемый твердой рукой политический лагерь (ПиС), а также на очень лояльного президента; его союзники не уверены в своей судьбе на политической сцене, а оппозиция не в состоянии составить ему альтернативу. Никто не хочет и скорого повторения парламентских выборов — ведь после блестящих побед ПиС и Леха Качинского можно ожидать, что они добьются еще лучших результатов. Таким образом, все эти группировки заинтересованы в сохранении нынешней расстановки сил в парламенте, тем более что в 2006 г. Польшу ожидают выборы в органы местного самоуправления. Это

очень серьезное испытание для политических партий, так как [после вступления Польши в ЕС] в ведение этих органов переходит все больше власти и денег”. (Янина Парадовская, “Политика — Экономист”, специальный выпуск, дек.-февр.)

• “Наиболее вероятный сценарий таков: несмотря ни на что экономика будет развиваться в ранее намеченном направлении. Несмотря на бурные двойные выборы, 2005 год завершился в экономике довольно спокойно. Темпы экономического роста ниже, чем предполагалось, но тем не менее вполне приличные; промышленность и сфера услуг развиваются; несмотря на сильный злотый, экспорт процветает; уровень зарплаты и инфляции остается под контролем; уровень безработицы постепенно снижается. Часто подвергавшееся насмешкам технократическое правительство Марека Бельки просуществовало всего год, но справилось со своими задачами вполне неплохо, особенно если принять во внимание, что у него не было политической поддержки”. (Петр Тарновский, “Политика — Экономист”, специальный выпуск, дек.—февр.)

• “Правительство Марцинкевича представило т.н. начальный доклад. В отличие от подобных документов предыдущих команд его подготовили независимые эксперты из Центра им. Адама Смита”. (“Тыгодник повсехный”, 4 дек.)

• “До сих пор явными были только имущественные декларации депутатов Сейма и органов местного самоуправления, а также сенаторов. Правительство Марцинкевича впервые опубликовало данные об имуществе министров. Декларации премьер-министра, министров и высокопоставленных чиновников Канцелярии премьера можно найти на сайте Канцелярии (www.kprm.gov.pl)”. (“Газета wyborча”, 29 ноября)

• Министр здравоохранения Збигнев Релига: “Я умею расправляться с оппонентами. После первой пересадки сердца моя среда хотела, грубо говоря, перегрызть мне горло. А когда в конце 80 х я осмелился пересадить человеку сердце свиньи, меня даже хотели лишить диплома. Так что я человек закаленный: на глаза — наглазники, в уши — вату, и за дело. Лишь бы только уметь слушать тех, кто умнее меня. И знать: надо делать то, что хочешь и считаешь правильным”. (“Политика”, 26 ноября)

• “Злотый укрепляется (...) В понедельник за евро платили меньше 3,89 злотых (...) По мнению иностранных инвесторов (...) события будут развиваться по оптимистическому сценарию, т.е. в будущем году дефицит не превысит 30 млрд.

злотых. Инвесторы исходят из того, что польские политики говорят правду”. (“Газета wyborcza”, 29 ноября)

- “В течение трех первых кварталов 2005 г. суммарная чистая прибыль [польских] банков вплотную приблизилась к показателю за весь 2004 год (...) Высокую прибыль банков обеспечивает прежде всего рост объемов выдаваемых кредитов (...) Если физические лица берут кредиты все более охотно, то в сфере кредитования предпринимателей оживления все еще не заметно. Зато на счетах предприятий все больше депозитов”. (“Жечпосполита”, 16 ноября)

- “После открытия границ ЕС, несмотря на укрепление злотого, объем нашего экспорта продуктов питания ни на минуту не перестал расти (...) С января по сентябрь польские предприятия отправили за границу продуктов питания на сумму свыше 5 млрд. евро, т.е. на 36% больше, чем год назад (...) Главный импортер продуктов питания из Польши — Евросоюз, куда идут почти три четверти нашего экспорта. За три первых квартала 2005 г. экспорт польских продуктов питания в страны ЕС вырос на 40%”. (“Жечпосполита”, 29 ноября)

- “Польское правительство — одно из самых щедрых в Европе, если речь идет о поддержке неэффективных предприятий. По последним брюссельским данным, в прошлом году на государственную помощь мы предназначили 2,9 млрд. евро”. Это 1,47% польского ВВП, что дает нам четвертое место в ЕС. Мальта тратит на подобные цели 3,1% ВВП, затем идут Финляндия и Кипр, а за ними Польша. (“Жечпосполита”, 9 дек.)

- “Наконец добрались и до общественных туалетов. Начиная с 2006 г. их владельцы должны будут установить контрольно-кассовые машины, а к ценам услуг прибавить 7% НДС. Туалетам не избежать налога — этого требует от нас Евросоюз. А клиенты на основании чека смогут подать рекламацию”. (“Жечпосполита”, 28 ноября)

- Согласно опросу ЦИОМа, “уже 43% поляков готовы поддержать на выборах “Право и справедливость”, а “Гражданскую платформу” (ГП) — только 28%. Это означает, что по сравнению с результатами сентябрьских парламентских выборов электорат ПиС увеличился в 1,5 раза. Поддержка ГП тоже возросла по сравнению с выборами, но лишь на 4%. Остальные партии, вошедшие в парламент, понесли потери. “Самооборона” получила бы сегодня 8% голосов, т.е. на 3% меньше, чем на выборах. “Лига польских семей” балансирует на грани избирательного барьера с 5 процентной поддержкой. Это тоже на 3% меньше, чем на выборах. Больше всех потерял

“Союз демократических левых сил” (СДЛС) — вместо прежних 11,31 теперь его поддерживают 5% опрошенных. А аграрная партия ПСЛ вообще не вошла бы в Сейм”. (“Газета wyborcza”, 22 ноября)

- “ПиС хочет открыть по всей стране 600 приемных. Иными словами, приемная ПиС будет в каждом повете и в крупнейших гминах. В связи с этим во многих городах партия уже начала искать новые помещения”. (“Жечпосполита”, 19–20 ноября)

- Вальдемар Кучинский: “Если бы меня попросили назвать главное новшество, которое принесли минувшие выборы, то я бы сказал, что как проголосовавшие, так и не явившиеся на участки избиратели подвергли демократические институты проверке на прочность. Фактически они передали огромную власть одному человеку — Ярославу Качинскому. Он — единовластный хозяин партии, огромной части Сейма, сенатского большинства, всего правительства и новоизбранного президента. Ничего подобного в Третьей Речи Посполитой еще не было (...) Вдобавок эта власть ситуативная, неявная, производная от расклада сил после выборов. Ярослав Качинский — лишь один из депутатов и глава одной из партий. Его огромное влияние распространяется вне демократических институтов и не подлежит конституционной ответственности”. (“Газета wyborcza”, 18 ноября)

- В подготовленном ЦИОМом рейтинге доверия к политикам первое место занял новоизбранный президент Лех Качинский — ему доверяют 66, а не доверяют 20% поляков. Следующие места заняли: Александр Квасневский (соответственно 62 и 20%), Ярослав Качинский (60 и 23%), премьер-министр Казимеж Марцинкевич (59 и 14%) и Дональд Туск (57 и 24%). Анджей Леппер занял 9-е место — ему доверяют 41, а не доверяют 44% опрошенных. Девятнадцатое место с 25% доверия и 52% недоверия занял Лешек Бальцерович. (“Газета wyborcza”, 1 дек.)

- “Ярослав Качинский должен извиниться перед мазовецким активистом СДЛС Станиславом Шепетовским и передать 10 тыс. злотых Польскому Красному Кресту за то, что назвал СДЛС “преступной организацией””. (“Тыгодник повшехный”, 4 дек.)

- Станислав Лем: “Сегодня в польской печати трудно найти что-нибудь другое кроме братьев Качинских. Что показывают по телевизору, не знаю — я его не смотрю, — но, кажется, то же самое (...) По-моему (...) то, что захлестнуло страницы наших газет, вне Польши никого не интересует”. (“Тыгодник повшехный”, 20 ноября)

- Вице-маршал Сейма Анджей Леппер: “Есть люди, созданные править, и все остальные, которыми надо управлять. Я умел командовать всегда — на футбольном поле, на ринге, в армии. Теперь все будет точно так же: “Самооборона” осуществит то, что запланировала, а я приведу ее к власти!” (“Газета wyborcza”, 19–20 ноября)

- “Польские предприниматели и Анджей Леппер создадут совместную группу экспертов для разработки изменений в законодательстве. “Я не заметил у председателя “Самообороны” признаков популизма”, — сказал председатель “Business Center Club” Марек Голишевский”. (“Газета wyborcza”, 6 дек.)

- Стефан Братковский: “То, что предприниматели из “Business Center Club” видят в Леппере человека, посланного судьбой, и хотят реформировать экономику под его высоким покровительством, напоминает мне “Носорога” Ионеско”. (“Жечпосполита”, 10–11 дек.)

- “Десять тысяч слушателей радио “Мария” со всей Польши и из-за границы отметили в Торуні 14 й день рождения своей радиостанции. “Да здравствует мохеровая революция!” — кричал им [директор радиостанции] о. Тадеуш Рыдзык (...) В церкви в первых рядах разместились политики (...) в частности, маршал Сейма Марек Юрек (ПиС) и вице-маршал Анджей Леппер (“Самооборона”) (...) Присутствовали и министры — юстиции Збигнев Зебро и координатор спецслужб Збигнев Вассерман”. (“Газета wyborcza”, 8 дек.)

- “Выражение “мохеровый берет” становится неотъемлемой частью польского языка (...) Типичным представителем определяемой таким образом общественной группы считается пожилой человек, чаще всего женщина, придерживающийся консервативных, национал-католических взглядов, уверенный в своей правоте и закрытый для других идей. Он слушает радио “Мария”, смотрит телеканал “Трвам” [“Держусь”] и читает “Наш дзенник” (все три основаны о. Рыдзыком — Ред.). Определение “мохеровые береты” приводит на мысль, с одной стороны, популярные головные уборы, а с другой — применяемую в армии идентификацию различных боевых отрядов (...) “Семья радио “Мария”” — неформальная структура приверженцев о. Рыдзыка — по приблизительным оценкам, насчитывает 6 млн. человек (...) Кружки друзей радио “Мария” есть в каждой епархии и почти в каждом приходе. Их база — местные отделы радио “Мария””. (“Политика”, 3 дек.)

• Станислав Тым, сатирик: “Что я знаю о священнике из Торуня? То же, что и каждый, кто его поддерживает, — ничего не знаю. Не знаю, где он был, что делал. Говорят, он не платит налоги. Почему? Я не знаю, почему. Видимо, у него есть разрешение. Сейчас как раз идут юбилейные торжества... Мы должны радоваться: есть радио, есть телевидение, есть газета. Разве это не прекрасно? — спрашивает все мое правительство. А я говорю: это самое прекрасное, что только можно себе представить!” (“Жечпосполита”, 10–11 дек.)

• “Епископы ставят вопрос ребром: радио “Мария” угрожает единству польской Церкви. Поэтому в решении проблемы должен участвовать Ватикан (...) По мнению главы ватиканской дипломатии архиепископа Джованни Лайоло, подобные вопросы не относятся к компетенции Апостольского Престола и должны решаться внутри поместной Церкви”. (“Газета wyborча”, 9 дек.)

• Проф. Шевах Вейс, бывший посол Израиля в Польше: “Многие жители Влоцлавека, Кракова, Варшавы, Гданьска, Вроцлава, Лодзи или Люблина помнят живших там евреев. Но особенно этим отличается Ченстохова (до 1939 г. там жило 30 тыс. евреев, в настоящее время — всего 39 человек), ставшая настоящим образцом польско-еврейских отношений (...) Исключительно бережное отношение жителей и властей Ченстоховы к памяти о еврейском населении этого города заслуживает тем большего уважения, что это чрезвычайно важное место для польского католицизма”. (“Впрост”, 4 дек.)

• ““Я не допускаю даже мысли о том, чтобы у представителя церковной иерархии могли быть какие-то проявления антисемитизма”, — сказал вчера архиепископ Станислав Дзивиш во время встречи с послом [Израиля] Давидом Пелегом (...) Как сообщил пресс-секретарь [краковской] курии свящ. Роберт Ненцек, визит [посла] способствовал укреплению связей между католической Церковью и евреями”. (“Газета wyborча”, 18 ноября)

• “На украинском кладбище в Павлокоме начался монтаж гранитных крестов, которые должны увековечить 366 жителей села, убитых партизанами Армии Крайовой в 1945 году (...) Памятник в Павлокоме будет поставлен на основании договора об охране могил поляков на Западной Украине и украинцев в Восточной Польше”. (“Газета wyborча”, 8 дек.)

• В преддверии выборов в органы местного самоуправления Украины 80 украинских депутатов местного уровня провели неделю в Польше, знакомясь с опытом польских гмин.

Депутаты разделились на группы, которые на пять дней разъехались по разным регионам Польши. В окрестностях Быдгоща украинские депутаты наблюдали эффекты рекультивации земель бывших госхозов, в окрестностях Люблина — эффекты благоустройства бывших военных баз, в Нижней Силезии знакомились с ситуацией в бывших шахтах, а в Контах-Вроцлавских — с методами привлечения инвесторов. (“Газета wyborча”, 14 ноября)

• ““Мы заложили прочные основы сотрудничества свободной Польши со свободной Украиной”, — сказал в Киеве Александр Квасневский, в последний раз посетивший Украину в качестве президента. Украинцы приняли его необычайно тепло. Президент Виктор Ющенко наградил польского лидера орденом “За заслуги” и напомнил о роли, которую Квасневский сыграл в качестве посредника во время прошлогодней “оранжевой революции”. “Сегодня опросы общественного мнения показывают, что три четверти украинцев считают Польшу страной, дружественной Украине. Это в значительной степени заслуга Александра Квасневского”, — сказал Ющенко”. (“Газета wyborча”, 25 ноября)

• “На второй день своей прощальной поездки в Киев президент Александр Квасневский получил степень почетного доктора Киево-Могилянской академии (...) В посольстве Польши президенту нанесла визит Юлия Тимошенко — бывший премьер-министр и один из лидеров “оранжевой революции” (...) Кроме того, в здании посольства президент Квасневский встретился с Леонидом Кучмой”. (“Газета wyborча”, 26-27 ноября)

• Министр иностранных дел Стефан Меллер: “В реакции Москвы на внешние события преобладает политика (...) Причина ведь не в том, что таможенник или инспектор вдруг проснулся (...) Информация [о запрете на импорт польских сельхозпродуктов] появилась накануне создания нового правительства (...) Боюсь (...) что момент, страна и повод были выбраны неслучайно (...) Совершенно очевидно, что это не невинное решение (...) Мы будем оказывать Украине недвусмысленную поддержку. Но это уже не только наша политика. Еще год назад к нашим действиям присоединился Евросоюз (...) Подобным образом, хотя и несколько иначе, выглядят в настоящее время вопросы, связанные с Белоруссией. Они уже вписаны в планы Брюсселя. Полностью суверенная, свободная, демократическая, а в конечном итоге вступившая в ЕС Украина — это основа нашей внешней политики”. (“Жечпосполита”, 14 ноября)

• Виталий Портников, журналист “Радио Свобода”: “У России и Польши совершенно разные стратегические интересы (...) Польша хочет диверсифицировать поставки энергоносителей, добиться общей позиции европейцев по отношению к Москве, содействует большей самостоятельности Украины и хотела бы большей самостоятельности Беларуси. Россия хочет диверсифицировать транзит энергоносителей, стремится общаться с “большими” и богатыми европейскими странами и не замечать маленьких и бедных, делает все возможное, чтобы восстановить свои позиции на Украине и собирается создавать с Белорусь конфедерацию (...) Кремль привык к контактам лишь с двумя категориями собеседников. Первая — это вассалы, но среди них нет места президенту Польши. Вторая — это сильные противники (...) Чтобы войти в эту группу, нужно руководить сильным, стабильным государством, с которым нельзя не считаться. Если Лех Качинский (...) будет строить такое государство, он может рассчитывать на успех”. (“Жечпосполита”, 14 ноября)

• “Министр иностранных дел Стефан Меллер, который еще несколько дней назад был послом Польши в Москве, полтора часа разговаривал с министром [иностраннх дел РФ] Сергеем Лавровым. Министр Меллер надеется, что вскоре Россия отменит свое торговое эмбарго. В беседе Лавров несколько раз подчеркнул его временный характер. “Действительно, с нашей стороны имели место определенные махинации. Думаю, что этим займутся соответствующие службы государственной администрации”” [сказал Меллер]. В ноябре Россия ввела запрет на ввоз из Польши мяса, а вскоре после этого — продуктов растительного происхождения, обвинив наши предприятия в использовании поддельных ветеринарных документов”. (“Жечпосполита”, 15 ноября)

• ““Для переговоров об изменении способа установления цен на поставляемый Польше российский газ нет оснований”, — написали руководители концерна “Польская нефте- и газодобыча” в письме российскому поставщику “Газэкспорт”. Письмо было ответом на российское предложение о встрече для пересмотра цен на газ”. (“Жечпосполита”, 16 ноября)

• Адам Подольский из варшавского Центра международных отношений: “Недавний российский запрет на ввоз нашего мяса и растительных продуктов настолько абсурден, что вызвал изумление польских экспортеров и политиков (...) Такое впечатление, что вся эта афера с польскими продуктами питания рассчитана на краткосрочную “политическую” дипломатию, когда фиаско очередных провокаций и

конфронтационных ходов лишь приводит в бешенство и вызывает соблазн еще более обострить взаимоотношения (...) Действуя таким образом, Москва сама сводит на нет влияние пророссийского лобби в польской политике (...) Отвергнутые Кремлем польские производители найдут другие, более надежные и проверенные рынки, а польские нефтеперегонные заводы — более надежных, хотя и более дорогих поставщиков”. (“Газета wyborcza”, 22 ноября)

- “Московская газета “Ведомости” открыла, почему “Газпром” угрожает Польше повышением цен на газ. Это должна быть месть нашим властям, которые не соглашаются снизить тариф на транзит российского газа в Германию польско-российской компанией “ЕвроПолГаз””. (“Газета wyborcza”, 25 ноября)

- Галина Корнилова: “Для меня четвертое ноября всегда было праздничным днем — ведь это день празднования иконы Казанской Божьей Матери (...) Как известно, новый праздник вывел на улицы столицы тесные ряды молодых черносотенцев (...) Должна признаться, что, видя в этот день гуляющие по городу толпы “патриотов”, я испытывала жгучий стыд за них (...) Я глубоко убеждена, что этот марш черной сотни был направлен не только против так называемых инородцев, т.е. всевозможных “чуждых элементов”. Очевидно, что в первую очередь он был направлен против нас, против самой России и ее будущего”. (“Жечпосполита”, 26-27 ноября)

- Ежи Помяновский: “Нам довольно простого факта: надо было забраться аж в 1612 год, чтобы откопать вред, причиненный русским поляками, и сделать эту годовщину государственным праздником. Кроме того мы убедились, что не стоит лезть в драку с полонофобами. Намного более действенный ответ — благодарность, выраженная тем благородным русским, которые относились и относятся к Польше дружелюбно и с пониманием. Так было 16 апреля 2005 г., когда президент Польши удостоил высоких наград целый ряд деятелей российского “Мемориала”, внесших огромный вклад в раскрытие тайн катынского преступления”. (“Жечпосполита”, 26-27 ноября)

- “Почему россияне ограничивают импорт из Польши? Потому что они считают, что польские экспортеры подделывают фитосанитарные свидетельства. По данным наших властей, они насчитали 37 случаев таких подделок на более чем 26 тыс. выданных в этом году свидетельств. Подделаны были главным образом документы, дающие право продавать в России цветы, импортированные из Голландии и Эквадора”. (“Жечпосполита”, 29 ноября)

- Константин Косачев, председатель комитета Государственной Думы по международным делам: “Если бы вы вели себя в отношении России по-дружески, то мы могли бы стать партнерами. Но вы выкручиваете России руки, и нам приходится реагировать соответствующим образом”. (“Газета выборча”, 30 ноября)

- Директор по делам ЕС в МИДе Павел Свобода: “Мы все еще надеемся, что спор ограничится экономическими вопросами, но россияне не отвечают на наши письма и звонки”. (“Жечпосполита”, 30 ноября)

- “Россияне расширили список польских продуктов, которые они не хотят пропускать на свою территорию (...) Кроме продуктов питания в нем оказались, в частности, изделия из дерева”. (“Жечпосполита”, 30 ноября)

- “Газ и нефть — основные товары, импортируемые нами из России. На восток польские фирмы продают все больше машин, приборов и продуктов питания. Уже несколько лет объем польского экспорта в Россию быстро растет. В 2004 г. мы продали туда товаров на сумму 2,18 млрд. долларов (...) Первыми в списке идут (...) электроприборы. За первые десять месяцев 2005 г. россияне купили у нас этой продукции на сумму 755,7 млн. долларов. Второе место по объему продаж занимают продукты химической промышленности (...) За первые три квартала 2005 г. объем экспорта этих продуктов достиг почти 645 млн. долларов (...) Уже много лет из-за нефти и газа в нашей торговле с Россией наблюдается высокий дефицит. Но, следя за показателями польских экспортеров, наши чиновники утверждают, что в будущем наш торговый обмен, возможно, удастся уравновесить”. (“Жечпосполита”, 30 ноября)

- “Россия и Германия полны решимости строить вызывающий споры газопровод по дну Балтийского моря. Однако Москва “будет рада” участию в проекте польских инвесторов (...) Сергей Лавров подчеркнул, что все переходы собственности возможны лишь при условии, что Россия сохранит 51% акций”. (“Жечпосполита”, 5 дек.)

- ““Польша не заинтересована в подключении к ответвлению российско-немецкого газопровода по дну Балтийского моря””, — заявили представители министерства экономики”. (“Газета выборча”, 6 дек.)

- “Два миллиона поляков должны были погибнуть или получить ранения в ходе войны коммунистического блока с НАТО. Почти все крупные города были бы разрушены в

результате ядерной и химической атаки. В случае конфликта Польша должна была стать главным театром военных действий. Советские военные намеревались уничтожить сухопутные силы НАТО на территории Польши ракетами с ядерными и химическими боеголовками. Такая атака практически стерла бы нашу страну с лица земли. Польские войска должны были нанести удар по северной Германии, Голландии, Бельгии и Дании. Такой военный сценарий предусматривали планы Варшавского договора (...) Документы Варшавского договора, хранившиеся прежде в архивах Войска Польского, будут переданы в Институт национальной памяти (ИНП) (...) “Эти документы свидетельствуют о том, в чем заключалась и как осуществлялась наша зависимость от Советского Союза”, — говорит директор ИНП проф. Леон Керес”. (“Жечпосполита”, 26–27 ноября)

- “Поезд сообщением Киев — Берлин, принадлежащий Украинским железным дорогам, приближался к польско-немецкой границе, когда внезапно кто-то нажал на стоп-кран. Неизвестные бандиты обокрали восьмерых россиян и двоих немцев”. (“Газета wyborча”, 8 дек.)
- “Четырнадцать тысяч заключенных сверх допустимой нормы, свыше ста исков с требованием компенсации за пребывание в переполненной камере, 35 тысяч человек, не принятых в тюрьмы из-за отсутствия мест, — такова ситуация, которая не может продолжаться вечно (...) Несколько лет назад, когда Европейский суд по правам человека в Страсбурге впервые начал присуждать компенсации за практикующееся в Польше слишком долгое предварительное заключение, мы пережили удивление и шок (...) Ситуация может повториться. На этот раз из-за нарушения европейских норм заполненности тюрем”. (Станислав Падемский, “Жечпосполита”, 15 ноября)
- “ИНП утверждает, что военная юстиция неохотно привлекает к ответственности своих бывших судей и прокуроров, виновных в коммунистических преступлениях (...) В министерстве юстиции созданы две группы, которые должны заняться подготовкой реорганизации прокуратур и судов”. (“Жечпосполита”, 28 ноября)
- “Вчера суд признал виновными Збигнева Соботку, Генрика Длугоша и Анджея Ягелло. Приговор вступил в законную силу. Трое бывших депутатов СДЛС попадут в тюрьму за утечку информации в г. Стараховице. Краковский апелляционный суд оставил в силе приговор Соботке (3,5 года лишения свободы), но сократил сроки Длугошу [1,5 года] и Ягелло [1 год]. По мнению суда, бывший замминистра внутренних дел и администрации

[Збигнев Сobotка] не только разгласил государственную и служебную тайну, но и подверг опасности жизнь и здоровье полицейских из Центрального следственного бюро, участвовавших в спецоперации против стараховицкой преступной группировки”. (“Жечпосполита”, 17 ноября)

- “За три недели до истечения своих полномочий президент Александр Квасневский принял самое спорное решение за все 10 лет правления: начал процедуру помилования Сobotки, причем в ускоренном порядке (...) Что склонило президента к таким действиям?” (“Ньюсуик-Польша”, 11 дек.)

- “После получения ходатайства Збигнева Сobotки президент Александр Квасневский был обязан начать процедуру помилования. Закон предписывает рассматривать ходатайства всех лиц, обратившихся к президенту по подобным вопросам. В течение первого президентского срока Александра Квасневского в его канцелярию поступило 20 988 ходатайств о помиловании. Президент помиловал 3295 человек. На протяжении второго срока из 25 197 ходатайствовавших президент помиловал 974 осужденных (...) Однако ни один случай помилования не вызвал таких эмоций, как случай Збигнева Сobotки, — прежде всего потому, что Александр Квасневский прибег к ускоренному порядку рассмотрения дела”. (“Политика”, 10 дек.)

- “Репортер газеты “Жечпосполита” Анна Маршалек и президент Александр Квасневский получили премии еженедельника “Юропиан войс”. Анна Маршалек удостоилась звания “Европейского журналиста 2005 года” за “неустанное расследование, в ходе которых удалось выявить крупные польские коррупционные скандалы” (...) однако прежде всего — за выявление “стараховицкой аферы”. В 2001 г. она написала нагнетавший текст о коррупции в министерстве национальной обороны, в результате чего замминистра обороны Ромуальд Шереметев лишился своего поста (...) Президент Александр Квасневский получил звание “Европейского государственного деятеля” за “его роль в обеспечении мирного характера “оранжевой революции” на Украине””. (“Жечпосполита”, 30 ноября)

- “Изумление, порой шок — такова была реакция на известие, что Александр Квасневский будет свидетелем на беатификационном процессе Иоанна Павла II”. (“Жечпосполита”, 9 дек.)

- “После трехмесячной разлуки Эва и Малгося, дочери Ирены и Здислава Мазгаев из деревни Новоселье близ Санoka, вернулись

домой (...) Суд счел, что родители-инвалиды могут обеспечить им уход и девочки не нуждаются в приемных родителях (...) Приемные родители не скрывали своего горя. Они приготовили детям подарки (...) После статьи в “Жечпосполитой” на помощь Мазгаям поспешили многие люди (...) Жители Новоселья скинулись на адвоката, отремонтировали дом Мазгаев, сделали в нем ванную (...) Вся деревня радуется, что дети вернулись к своим родителям”. (“Жечпосполита”, 9 дек.)

• “В загоне, прилегающем к магазину на ул. Цибернетики, 6 в Варшаве, уже шесть лет живут козел и коза. Хозяева магазина спасли их от съедения. “Мне подарили их на именины, чтобы зажарить на вертеле, но мне стало их так жаль, что они остались у нас”, — объясняет Влодзимеж Сибильский. Козы находятся под постоянным ветеринарным наблюдением. Когда кто-нибудь подходит к загону, они тут же выбегают посмотреть, не принесли ли им чего-нибудь вкусного. “У самки немного скверный характер, она не любит женщин, — говорит Сибильский. — Поэтому на всякий случай мы повесили предупреждающую табличку””. (“Жечпосполита”, 14 ноября)

• “Варшавяне массово устанавливают на карнизах домов иглы против голубей (...) Если темп защиты домов иглами удержится на нынешнем уровне, голубям останется лишь сидеть на деревьях и фонарях — разве что их прогонят и оттуда”. (“Газета wyborcza”, 17 ноября)

• “Я и мой 12-летний сын пережили шок в гипермаркете “Теско” на Полчинской ул. [в Варшаве]. Сын обнаружил, что у всех плавающих в бассейне живых карпов отрезаны спинные и боковые плавники. После этого он полдня плакал, — рассказывает потрясенный читатель “Газеты wyborczej”. — Как мне объяснить ему такие бесчеловечные действия взрослых?” (“Газета wyborcza”, 7 дек.)

• Начиная с послевоенных лет в рамках т.н. планирования лесного хозяйства мазурские леса систематически вырубаются — в т.ч. и на территории Мазурского ландшафтного парка (...) Исчезают прекрасные старые древостой (...) С недавнего времени вырубка лесов сопровождается массовым спиливанием придорожных деревьев (...) Ежегодно на Мазурах спиливают около трех тысяч придорожных деревьев! (...) Отстрел лесных зверей охотниками (...) на территории мазурских лесов можно сравнить с бойней”. (“Казимеж Орлось”, “Жечпосполита”, 19-20 ноября)

• Джаред Даймонд: “Современная цивилизация не более разумна, чем культура бесписьменных полинезийцев (...)

Причина падения многих цивилизаций заключалась в бессознательном экологическом самоубийстве”. (Мартин Милковский, “Ньюсуик-Польша”, 18 дек.)

ПРОЩАЙ, “ПОЛОНЕЗ”!

С 10 декабря 2005 г. из расписания международного железнодорожного сообщения исчез поезд №31 “Полонез”, курсировавший между Москвой и Варшавой с 1951 года. Что это? Результат общего ухудшения отношений между Польшей и Россией? Признак повышения качества отечественных путей сообщения? Или, как утверждают поляки, естественное следствие ситуации, когда экономика по законам рентабельности заставляет отказываться от приятных, но ненужных мелочей, от реликтов системы социализма, существовавших за счет государственных дотаций. По данным польской стороны, убытки от поезда в этом году составили 4 млн. злотых, что соответствует 1,25 млн. долларов.

Наверное, можно понять логику поляков, когда при многочасовой стоянке в Бресте, при замене колес на белорусской территории польская сторона теряет деньги. Не хочется произносить журналистских банальностей о том, что у поездов и кораблей, как и людей, своя судьба, свое начало и свой конец. Но, думаю, не мне единственному досадно от того, что уходит в прошлое удобное транспортное средство, которым пользовались все, кто ездил в Польшу последние 50 лет, кто был связан с ней профессионально и по-человечески и у кого в эпоху роста цен на нефть, а значит, и на авиабилеты не стало возможности выкладывать четыре сотни долларов за полет из Москвы в Варшаву. Сколько бы я ни ездил этим поездом, заполненность вагонов мне казалась вполне достаточной. “Полонез” долго оставался нитью, связывавшей нас с Польшей, — и во времена развитого социализма, и во времена “Солидарности”. Теперь и ему пришел конец, а жаль. Интересно, до какой степени должны ухудшиться наши межгосударственные отношения, сколько еще надо разрушить, чтобы потом восстанавливать все заново? Сколько еще мы должны обмениваться ударами, как мальчишки на улице, чтобы жертвами всего этого оказывались среднестатистические граждане, стоящие в очередях за визами, выкладывающие кругленькие суммы за авиа- и железнодорожные билеты?

Уже много лет подряд, когда возникало желание перевести дух от московской толпы и повседневности, я выбирал короткую и дешевую дорогу на Запад — в Польшу. В три часа дня на

Белорусском вокзале, окутанный туманным запахом угля, садишься в вагон с непривычными очертаниями и на следующий день в 10 утра выходишь на Центральном вокзале польской столицы. Процедуру смены колес и общение с белорусскими стражами границы ранним утром я пока намеренно опускаю. Польские приколыщики говорили мне, что разница между колеями соответствует длине полового члена русского царя. Но уж кто, как не поляки, знает, что в этом вопросе нет единого стандарта? На самом деле ширина польской колеи 1435 миллиметров, а российской — 1520, и разница составляет всего 85 мм. Как прокомментировал мне эту цифру польский проводник: “Теперь понятно, почему появился Распутин”.

Первая моя поездка на “Полонезе” в памяти запечатлелась больше всего. С тех пор прошло 28 лет. Каким оригинальным казался вкус чая в пакетиках и запах польского мыла! Проводники в малиновой форме словно прибыли из другой реальности, не говоря уже о самих голубых вагонах варшавского поезда, проплывавших мимо, пока ты стоял на переезде дачной станции Перхушково и мысленно вслед за поездом уносился в страну Шопена и Мицкевича. Как в детской песенке, которую мы все пели: “Голубой вагон бежит, качается, скорый поезд набирает ход...” Я всегда был уверен: эта песенка — про “Полонез”.

Давно прошли те времена, когда Польша казалась нашими воротами на Запад. Теперь можно запросто полететь в Париж, Лондон, Нью-Йорк, не тратя сил на суррогатный Запад невыездного времени. Но меня влечет туда, куда я впервые попал в сентябре 1977 года, 14 летним подростком. Попал просто потому, что мама, Марина Вацлавовна Кретович, взяла меня с собой в поездку по частному приглашению. И за одну неделю я увидел столько театральных спектаклей, сколько наверное не увидел за всю последующую жизнь. Психолог Вайда, обворожительный Ханушкевич, мастер иносказания Шайна, блистательный Ольбрыхский и трагический, вдумчивый Ломницкий — эти имена театрального мира Польши навсегда останутся в моей памяти. Нашим хозяином в те дни был польский театральный художник, проректор Варшавской академии изящных искусств Рышард Винярский. Мой отец, ныне заслуженный художник РФ и профессор Строгановки, Герман Черемушкин познакомился с Рышардом во время путешествия “Дорогами Коперника” в 1970 м. Поляки собрали художников со всего мира, чтобы доказать истинно польское происхождение первооткрывателя солнечной системы. Эти дороги для советских художников тоже начинались с поезда

“Полонез”. Имя Рышарда, малоизвестное в СССР, тем не менее открывало двери лучших польских театров и художественных галерей. Сегодня Рышард тяжело болен и фактически живет в больнице. Нет и моей мамы, про которую другой польский профессор-приятель как-то сказал: “Она всегда была для нас символом польки, затерянной где-то далеко на востоке”. Наверное, у каждого, кто путешествовал поездом “Полонез”, найдутся такие сентиментальные воспоминания. Ведь поезд был призван обеспечивать транспортную поддержку польско-советской дружбы, и были времена, когда состав встречали и провожали военные оркестры...

За возможность увидеть из окна крыши и костелы варшавского Старого города, когда голубой вагон проскакивает по мосту через Вислу, можно было и пойти на некоторые унижения, связанные с общением с белорусскими пограничниками-вымогателями, а особенно со злобными таможенниками гестаповского типа — эти тетki почему-то все в сапогах на каблуках-шпильках, как будто пришли из салона садо-мазо. Но что эти мелочи в сравнении с видом варшавских черепичных крыш, которые, по-моему, могут тронуть самое черствое сердце. До недавнего времени я во имя сохранения нервных клеток предпочитал добираться в Польшу самолетом. Но после того как “Аэрофлот” с польским “Лётом” стали практиковать совместные рейсы и установили на них одинаковую цену, взвинтив ее до небес (наш антимонопольный комитет делает вид, что ничего не происходит, а русский с поляком вполне, оказывается, могут договориться, если речь идет о сверхприбыли, приносимой монополией на авиаперевозки), “Полонез” оставался единственной отдушиной для среднего класса. Билет второго класса в одну сторону стоил 2,5 тысячи рублей, первого — 3 с половиной. Пусть не сочтут это скрытой рекламой авиакомпании “Лёт”, но поляки приняли повышение уровня обслуживания на своих “линьях лётничих” как задачу общенациональную и успешно с ней справились. Поезд же, особенно идущий на Восток, стал пообшарпанней, но марку держал. В Бресте его осаждали голодные белорусские бабульки-торговки: “Пакушать, папить, пачитать”. Но в купе был чистый умывальник, полки в три яруса друг над другом застилали белыми простынями с фирменным знаком “WARS”, и проводники кричали “кава, хербата, пашпорчики”. Подключившись к розетке, предназначенной для электробритвы, можно было спокойно “набивать” тексты на ноутбуке, расшифровывать с кассеты интервью с художниками, актерами и политиками.

Сколько раз я садился в “Полонез”? Отправлялся туда, где в 1988–1989 гг. проходил преддипломную практику в Варшавском университете. Бродил под дождем по полуголодной Варшаве, смотрел на уже преобразившиеся под напором рыночных реформ сменявших друг друга премьеров и вице-премьеров (из них помнят только Бальцеровича) витрины частных магазинчиков на Хмельной, наблюдал студенческие демонстрации (они требовали отмены обязательного обучения русскому языку и добились своего, о чем сейчас многие жалеют), вдыхал запах стиральных порошков в газетных киосках, слушал уличных музыкантов в подземном переходе на Маршалковской и проповеди в костелах, смотрел, как уходит в Москву поезд с Центрального вокзала, звонил домой по автомату, “толкал” черную икру и покупал колбасу “на картки” (карточки), которые мне выдавали в советском торгпредстве. Отправлялся туда, где впервые понял, что слово спекулянт означает “человек с нормальным экономическим мышлением”, что использование американских долларов — не преступление и что свобода — самое дорогое, данное человеку после права на жизнь. И главное, что у свободы могут быть разные грани и проявления. “Nie ma wolności bez „Solidarności”!” (“Нет свободы без „Солидарности”!”) — кричали на митингах тогдашней оппозиции. “Nie ma wolności bez odpowiedzialności!” (“Нет свободы без ответственности!”) — назидательно утверждал, полемизируя с оппозицией, Войцех Ярузельский лозунгом со здания ЦК ПОРП, в котором теперь размещается Варшавская биржа. Тем же самым “Полонезом” я приезжал уже в другую Польшу — страну супермаркетов, бензоколонок, МакДональдсов и монументов Папе Иоанну Павлу II. Поляки добились чего хотели. Им теперь никто не запрещает плохо говорить о восточном соседе, никто не заставляет ездить на восток, потому что лучше — на запад. Сосед ослаб, но ошибается тот, кто думает, что он перестал внимать тому, что о нем говорят.

В одном из последних номеров польский еженедельник “Политика”, отличавшийся особенно нелицеприятными статьями о России, вдруг прозрел и опубликовал комментарий, в котором говорится, что мы (поляки) “пугаем русских словами, а они нас — делами”. “Русские в отличие от нас, — пишет “Политика”, — сдержаннее в словах, но лучше знают цифры”. А из этих цифр следует, что польское благополучие гораздо больше зависит от отношений с Москвой, нежели с Вашингтоном. На поставках продовольствия в Россию Польша уже в августе 2005 г. заработала 500 млн. долларов. Введенный недавно Россией запрет на импорт польского продовольствия приведет к тому, что еще одного подобного рекорда уже не

будет. Польские экспортеры потеряют клиентов, а у польских крестьян не будет рынка сбыта свинины, капусты, моркови и даже картофеля. “Политика” задается вопросом: “Какие дороги теперь будет блокировать польская партия „Самооборона” под руководством Анджея Леппера?” — того самого, чьи сторонники привели к власти президента Леха Качинского. “За пустые жесты и слова заплатят польские фирмы и их сотрудники”, — пишет Иоанна Сольская в “Политике”.

Десятки дальнобойных грузовиков, груженных продовольствием, несколько смягчали отрицательный баланс торговли Польши с Россией. Растущие цены на энергоносители привели к тому, что Польша платит России гораздо больше, чем Россия Польше. Только до августа 2005 г. Польша заплатила России 5,4 млрд. долларов. И никакие разговоры о диверсификации энергопоставок, об отказе от русского газа и нефти так и не стали реальностью. На экспорте в Россию Польша заработала 2,5 млрд. долларов, а на экспорте в США — 1,2 миллиарда. В общей системе торгово-экономических отношений поляки решили сэкономить на поезде, долгое время остававшимся символом особых отношений двух славянских народов.

Справедливости ради надо отметить, что и другой поезд из системы Польских государственных железных дорог — Интерсити “Ян Кепура” — тоже исчезнет из расписания. Этот поезд курсировал между Варшавой и Кельном и летом даже окупался. После вступления Польши в ЕС его маршрут следования продлили до Брюсселя. Польские железнодорожники признают, что решение продлить маршрут имело скорее политический, нежели экономический характер. Предполагалось, что этим поездом будут пользоваться евродепутаты, чиновники и польские гастарбайтеры, отправляющиеся подзаработать в страны Бенилюкса. Оказалось, что чиновники предпочитают самолеты, а трудящиеся — дешевые автобусы. Как и за “Полонез”, за поезд в Европу приходилось доплачивать: на немецком участке — 1,6 млн. евро, на польском — 414 тысяч. Теперь “Ян Кепура” будет доходить только до Франкфурта-на-Майне. Так, может быть, и для “Полонеза” найдется компромиссное решение?

Эугениуш Ткачишин – Дыцкий

СТИХИ ИЗ КНИГИ «ИСТОРИЯ ПОЛЬСКИХ СЕМЕЙ»

I. ПРЕДИСЛОВИЕ

мотылек в траве качается и этим
может осчастливить цветастый мир
иль онесчастливить учитывая всё же
факт что прилетает ниоткуда
отдыхает на листочках кашки
с цветка на цветок но прежде всего
и поныне остается неразгаданной
посреди четырехлистной кашки с учетом
и того что считаются исключительно факты

II.

в соседней комнате умирает моя мать
и все ж таки она трудится думой обо мне
когда-нибудь напишу на чем оно основано
умирание мое и ее в темной комнате внизу
в той самой что некогда была комнатой Вандочки
когда-нибудь намекну на чем оно основано
ее пребывание в Чикаго на чем все это
держится если держишься в темной комнате
наверху откуда шлет нам доллары и посылки
и сны поврежденные за пределами страны (но уж это
тема на отдельную книгу) и в пакетик из пленки

упакованные прибывают в собственные руки

III.

даже сны добираются к нам поврежденными
за пределами страны (очень часто нам снится
пустота) и упакованными в пакетик
из пленки но это уже закрытая тема
в соседней комнате умирает мать
шевелится как под пленкой не вставая с постели
для нее всё стало пленкой тяжкое
одеяло что съехало и не хочет подняться
и даже не думает подняться из-за
моего безделья развевается по ветру

IV. КОЛЛЕКЦИИ

дом большой чересчур большой
для меня и для моей матери
умирающей в постели от Аргасинской
для книг напиханных в несколько
комнат и на чердак да и чердак
от кого-то от Аргасинской (тут повсюду бродит
ее призрак) и в каждой книге нахожу я
страницу с печатью поставленной однако
смертью: кроме паутины во влажном
уголку да и она от кого-то наверно
от Аргасинской и этот список вопросов
в конце непрочитанной книги

V. ПЕСЕНКА О КАТАКЛИЗМАХ

список глав и круглая печать «Библиотека
Ткачишиных-Дыцких из Вольки-Кровицкой»
и они в высшей степени подлежат смерти
с тех пор как меняются границы стран уездов
ликвидируется собственно (кроме паутины
во влажном уголку) перемышльское воеводство
в пользу подкарпатского и кто тут до курвы
нищеты темнит хоть бы с выселением (с границами
вообще) если так и пойдет моя жизнь
то подвергнется малой дестабилизации

XLVIII.

в соседней комнате умирает
мать которая все ж таки
трудится думой обо мне
когда-нибудь напишу
на чем основано умирание
мое и ее в темной комнате
внизу в той самой что некогда
была комнатой Вандочки
когда-нибудь намекну на чем
основано ее пребывание в Чикаго в темной
комнате наверху откуда нам учитывая
наши потребности шлет доллары и посылки

XLIX.

когда-нибудь намекну на чем
основано ее пребывание в Чикаго в темной

комнате наверху откуда будто больше
и лучше видать потому она шлет нам посылки
и сны поврежденные за пределами страны
особенно сны добираются к нам разграбленными
и упакованными в пакетик из пленки
(извиняюсь что в пустой) но уж это
тема для новой поэмы в соседней
комнате умирает мать и шевелится
как под пленкой не вставая с постели
надо эту пленку завтра свернуть вовнутрь

L.

дом большой чересчур большой
чересчур гостеприимный для меня и для моей
умирающей я пришел к ней
чтоб поправить одеяло из-под которого видна
смешная маленькая девочка
что больше никогда не проснется
смешные маленькие палочки вместо
рук и ног которые обратно вставляю
в сон пускай не потеряются
пускай не загрязнятся
и пускай не плачут в ночной рубашке
которую купил ей у Шаланского adieu

Eugeniusz Tkaczyszyn-Dycki, «Dzieje rodzin polskich». «Sic!», 2005.

НА ТРУП

Сказать, что труп — герой стихов Эугениуша Ткачишина-Дыцкого, значит сказать одновременно слишком много и слишком мало. Едва автор, родившийся в 1962 г., выпустил свой первый сборник «Неня и другие стихотворения» (1990), как критика сразу признала его самым выразительным представителем «необарочной» поэзии. Термин этот, впрочем, вводит в заблуждение, так как «необарокко» было заметно уже у поэтов, начинавших печататься в 1960-е, и, как верно заметил Ян Юзеф Липский, один из важнейших комментаторов польской послевоенной поэзии, его можно отыскать как у большинства поэтов «лингвистического» течения, так и в лирике Александра Вата. Несомненно, интерес к барочной поэзии в последние десятилетия не перестает нарастать и находит всё новые формы выражения, что заметно хотя бы в некоторых стихах дебютантов последних лет. Поэтому неудивительно, что для некоторых младопоэтических кругов Дыцкий стал Маэстро, популярность которого продолжает расти.

Нет сомнения, что поэт наделен классическим барочным воображением, в рамках которого один из главных мотивов — «гробовые портреты», «*dance macabre*», смерть. Изысканная и усложненная риторика этих стихов часто использует такие приемы, как инверсия, анафора, повторы, в результате которых циклы его стихотворений становятся собраниями «вариаций на тему» с откровенно музыкальной конструкцией. С ходом времени эта лирика обращается также к современным коллоквиализмам, хотя это не означает обращения к явлениям повседневности. Этим она сигнализирует стремление к преодолению собственных стилизаторских стереотипов.

Есть в этой поэзии исключительно интересный мотив: через связь с барокко Дыцкий обращается к корням польского склада ума, к сарматскому мифу. Так происходит и — может быть, сильнее, чем в предыдущих сборниках — в его последней книге «История польских семей» (2005). Сплетение разных тем ярче всего продемонстрировано в стихотворении «Польский шляхтич Ян Трупский»:

начну же с того что фамилия равно
стародавняя и неплохая как и Дыцкий

настоящий украинный шляхтич во всяком
случае Дыку кто-то прибавил цки
трупку кто-то прибавил ски

Это приравнивание трупа и Дыцкого, их общей смертной судьбы — довольно типичный пример этой поэзии. В нем выражается также своеобразный иронический юмор, подобно тому, как это происходит в другом стихотворении, сообщающем об утрате давних восточных территорий, откуда родом «польская семья» Дыцких — от давнего имущества уцелела только рукопись Деотимы, польской поэтессы XIX века:

она у меня и по сей

день вопреки национализации советизации

декоммунизации американизации макдональдизации

модернизации канализации если так и далее

пойдет моя жизнь подвергнется пауперизации

Такого рода шуточки стоят рядом с отстранением от современности, но и, что мне кажется более важным, от собственного поэтического искусства.

ХЛЕБНИКОВ, ПО-НОВОМУ ОТКРЫТЫЙ

Не так давно в эфире Польского радио я услышала слова председателя Варшавского отделения Союза польских писателей о том, что “русская литература не существовала в нашей стране добрых полтора десятка лет” и что ее ликвидировали по политическим причинам. При этом он вовсе не имел в виду существовавших в ПНР цензорских запретов на писателей, запрещенных в СССР, и на их польских переводчиков. Отнюдь — речь шла о жутких годах после 1989 го, названных коллапсом. Такая точка зрения нередко появляется в СМИ, ее бездумно повторяют многие журналисты. Между тем в Польше всегда был круг писателей и переводчиков, которым удавалось — даже в рамках официальных возможностей времен ПНР — издавать важные и ценные вещи, не говоря уже о том, что были издатели, печатники, распространители, которые не без риска выпускали в подполье многие книги русских писателей. Никто в Польше от русской литературы не отворачивался. Зато после 1989 го действительно было трудно заново создавать цепочку связей, основанную не на командной системе, а на действительных интересах и ценностях. Оживление в русско-польских связях — это возвращение к нормальности, расшатавшейся отнюдь не в 1989 году. И говорить надо не о “новом взгляде” (под таким девизом представляли Россию на прошлогодней Международной книжной ярмарке в Варшаве), а о непрерывности и продолжении.

Яркий представитель этой непрерывности — Адам Поморский. Он принял эстафету из рук своих предшественников (с особым почтением он всегда говорит о Северине Полляке как своем учителе [статью Поморского “О Северине Полляке см. “НП”, 2001, №12]) и не с сегодняшнего дня работает над все новыми книгами, в которых — как переводчик или исследователь литературы — представляет творчество русских авторов. Подходящим случаем для этого оказался прошлогодний Русский сезон в Польше, который — кроме крупных проектов культурного обмена — принес и книги. Одна из них — том Велимира Хлебникова “Рыбак над морем смерти”.

Поморский занимается Хлебниковым, своим, как он признался в одном из интервью, самым любимым поэтом, уже двадцать с лишком лет. До него Хлебникова переводили Северин Полляк, Анна Каменская и Ян Спевак, а также Леон Гомолицкий и Арнольд Слуцкий. Сам он уже издал небольшой сборник его стихов в 1982 году.

Хлебникова переводили на многие языки. Роман Якобсон считал его величайшим в мире поэтом XX века. Исследователям и переводчикам всегда было трудно справиться с его текстами. Прижизненные издания, а довольно долго и посмертные, опирались на черновики, нередко ошибочно прочитанные, случайно подобранные. Столетие со дня рождения поэта в 1985 г. дало импульс многочисленным публикациям, сборникам стихов, трудам русских и зарубежных исследователей творчества Хлебникова. В 2000 г. в Москве начало выходить шеститомное издание полного собрания сочинений. Время, когда имя Хлебникова замалчивали, уже ушло в прошлое. В Астрахани, в доме, где жила семья поэта, открыт его музей.

Нынешний том Поморского охватывает лишь часть наследия великого визионера. Вышел он, правда, первым, но хронологически охватывает более поздний перевод жизни поэта (том произведений более раннего периода, 1904–1916 гг., наверное, нас еще ожидает). В согласии с подзаголовком “Стихотворения и тексты. 1917–1922”, в книгу, кроме стихов, вошли прозаические отрывки, литературные манифесты, письма. Творчество Хлебникова в этот период, начавшийся Февральской революцией, а закончившийся смертью поэта, Поморский характеризует так: “Это свидетельство постоянно крайне личное, но связанное с общими судьбами, полное страсти, страдания и сострадания одновременно, внимательное к конкретному, к деталям действительности — которые фантазмагорически разрастаются в восторге и ужасе, свидетельство, достойное Иеронима Босха с его видениями и апокалиптической иронией. Между тем как в кровавом и гротескном хаосе тех времен у многих поэтов отнялся язык, эта запись рукой странного, внутренне запутанного, гениального, погруженного в себя лирика, — поражает прозорливостью”. Поморский делит этот период на три части: 1917–1919, 1920–1921 и 1922 — и каждую из них снабжает комментариями и примечаниями, а вся книга предварена словом “От переводчика”. Подробные примечания, с одной стороны, затормаживают чтение книги, потому что нет почти страницы без сносок, а нередко — и нескольких; с другой же — не надо забывать, что без этих примечаний читать вовсе не было бы

легче. Поморский отсылает к реалиям эпохи, указывает литературные, философские и биографические контексты, разъясняет лингвистические, историософские и математические концепции Хлебникова (например концепцию повторения волн истории).

“Говорят, что стихи должны быть понятны. Так... [вывеска на улице], на которой ясным и простым языком написано: “здесь продаются...” ...но вывеска еще не есть стихи. (...) ...волшебная речь заговоров не хочет иметь своим судьей будничным рассудок”. В согласии с этими словами самого Хлебникова чтение его произведений не просто. Но Поморский, будучи сам сначала проницательным читателем, а затем старательным переводчиком, делится взятым на себя трудом понимания. Можно даже сказать, что благодаря этим примечаниям и комментариям мы получаем по сути три книги в одной обложке — избранные произведения, материалы к биографии и материалы к анализу творчества. С другой стороны, нет необходимости пользоваться примечаниями, если кому-нибудь это помешает погрузиться в ту сосредоточенность, с которой надо читать Хлебникова. И можно поддаться магии его волшебной речи — которая остается волшебной и в переводе Поморского — совершенно отдельно, а все дополнительные сведения изучать не в ходе чтения, а после. Можно даже читать часть примечаний как отдельный текст, стараясь сложить из них биографию поэта.

По мнению Евгения Евтушенко (в “Строфах века”), “сегодня Хлебников перестает быть поэтом только “для производителя” и в душах многих читателей поэзии — вовсе не профессиональных литераторов — живет Хлебников, попавший даже на экран телевидения. Этот дервиш, называвший себя Председателем земного шара, никогда не изменял поэзии и оказался, хотя и запоздало, награжденным любовью читателей”. На польской почве книга Поморского несомненно станет неоценимым шагом Хлебникова к читателям.

В русском Интернете я нашла отчаянный призыв полуторалетней давности, который напоминает нам, что любовь читателей недостаточна для функционирования: “Музею Хлебникова срочно нужна помощь. Единственному в мире музею-квартире великого поэта-футуриста Велемира Хлебникова нужна срочная финансовая помощь для неотложного ремонта”. Видно, музей сталкивается с такими же бедами, с какими при жизни сталкивался поэт. Он умер в болезни, нищете и забвении.

Тем больше радуется, что в Польше нашлись средства на эту книгу, прекрасно выпущенную Научно-литературным издательством ОПЕН (2005), хорошо обдуманную с графической и полиграфической точки зрения, в чем, думаю, большая заслуга Фонда новейшего польского искусства Петра Новицкого, который оказал изданию финансовую поддержку в рамках проекта “Варшава — Москва/Москва — Варшава. 1900–2000”.

Еще одна забавная деталь. В самом конце, уже после оглавления, помещено двустишие Даниила Хармса — правда, по-русски, но тут отсутствие примечания, комментария и даже перевода никому не мешает:

Ногу на ногу заложив

Велимир сидит. Он жив.

Такое и у меня впечатление после прочтения книги “Рыбак над морем смерти”.

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Сегодня — две темы, впрочем, связанные друг с другом. Быть может, первая из них появляется поздновато, но в конце концов это вопрос производственного цикла журнала, а не моей прихоти. Я цитирую этот текст тем охотней, что, по правде говоря, во время празднования 25 летия “Солидарности” не столкнулся с комментариями, достойными внимания. Между тем катовицкий ежеквартальный журнал “Опции”, издание несомненно групповое, но высокого уровня — в том числе и в смысле анализа художественных явлений, — нашел интересный способ прокомментировать то, что случилось четверть века назад и что до сих пор оказывает свое не бросающееся в глаза влияние на поляков. Что особенно интересно, комментарии в “Опциях” (2005, №3) гармонируют — хотя необязательно созвучны — с параллельно печатавшимися в “Газете выборчей” статьями Адама Михника, построенными на исторических аналогиях польской современности и развития событий во Франции после революции 1789 года. Текст, о котором я собираюсь говорить, — это статья Щепана Твардоха “Воспоминание о французской революции по случаю юбилея „Солидарности””:

“Французская революция закончилась, когда солнце засияло на кирасах наполеоновских кирасир, революция „Солидарности” закончилась, когда в Магдаленке струя из одной и той же фляжки потекла в горло Михнику и Кищаку”.

Это резкое вступление требует объяснений. Магдаленка — название места, наполовину уже мифического, местности, где, как утверждают некоторые, было заключено тайное соглашение между частью оппозиционных верхов и коммунистами — и это-то соглашение впоследствии сделало невозможным подлинный расчет с уходящей властью, и даже более того — позволило этой власти совершить “мягкую посадку” в новой политической действительности. Кто такой Михник — всем известно. Что касается Кищака, то стоит напомнить, что этот генерал был правой рукой Ярузельского в управлении военноположенческой Польшей. В письме из тюрьмы этому генералу Михник с чрезмерной даже для него язвительностью показал, что это человек без чести и совести.

Тем больше он спустя годы поразил своих читателей и почитателей, когда принялся публично брататься с этим коммунистическим полицейским. Идея Михника, уже раньше, впрочем, осуществлявшаяся им внутри оппозиции, когда он старался скорее объединять людей, чем разделять их, — идея, согласно которой надо искать то, что объединит всех в деле восстановления Польши, а не приступать к опасному, по его мнению, сведению счетов с прошлым, эта идея не всем пришлась по душе, а совместное опорожнение фляжки с бывшим противником многим показалось драматически наглым жестом. Твардох пишет:

“В принципе тут можно поиграть в исторические аналогии: Ярузельский как бездарный король Людовик XVI, Михник, Куронь et consortes — как коллективный, обращенный в революционерство принц Орлеанский Филипп Эгалите, другие экс-коммунисты — как Лафайет, организации, сражавшиеся за независимость, — как парижская радикальная чернь, а умеренные — в любую эпоху те же самые, Болото, Маре. Однако под Парижем не было Магдаленки, и Людовик XVI кончил жизнь на эшафоте”.

Ярузельский, как известно, на эшафот не поднимался, и, более того, его люди дождались поддержки от молодого поколения, которое в 90 е годы входило в электоральную политическую жизнь. Об этом интересно пишет в том же номере “Опций” Петр Куляс в статье “Стучите, пожалуйста... и ждите. Что осталось от „Солидарности” (и солидарности) в молодом поколении”:

“В школе мы принудительно учили русский язык. Однако уроки мы скорее бойкотировали, потому что режим уже трещал по швам и даже мы знали, что король голый. Навязывая нам уроки русского, власть только вызывала неприязнь ко всему русскому. Эту неприязнь мы преодолели много позже, открывая для себя „Преступление и наказание” или мир лагерного ужаса у Солженицына и убеждаясь, что в сталинской действительности даже в дьяволе Воланде больше добра, чем в каком-нибудь аппаратчике. Несмотря на это некоторым из нас не удалось преодолеть эту неприязнь. Уже тогда мы стыдливо отводили глаза от Востока и завистливо зыркали на Запад, ища стимулов там. Найти стимулы было легко — предметом соблазна могло стать что угодно. (...) Первые годы Третьей Речи Посполитой, которые сегодня ассоциируются со скачущими ценами, были для нас праздником переливающегося всеми цветами Запада. Однако экономическое положение, по-видимому, было действительно плохим, раз о политике и

политиках почти не говорили — только о том, как выжить на зарплату, которая изо дня в день теряла ценность. (...) Новая, меняющаяся действительность изгладила из памяти моего поколения печальные краски и заменила их живыми картинками западных продуктов, которые мы хотели иметь немедленно, сразу же. Когда мы высматривали новые товары, старшие задумывались о смысле преобразований. В солидарности между поколениями появилась трещина. Связь начала рваться. Старшие переставали понимать нас, мы уже давно не понимали старших”.

Затем автор описывает политическую инициацию поколения:

“В нормальной стране как раз молодежь — наиболее умеренные избиратели. После аттестата зрелости, когда всё вдруг начинает меняться, они нуждаются в стабилизации и точке опоры. Они принимают первое серьезное решение, они уже взрослые, поэтому каждый хочет, чтобы решения были ответственными и обдуманными. Груз взрослости приводит к тому, что решения молодежи чаще всего осторожны и вмещаются в границы политического центра. Молодежь не голосует за социальных революционеров — время на это придет после. Их не интересуют и такие вопросы, которые с экономической точки зрения не имеют смысла: подозрения в шпионаже, принадлежность к ПОРП, сотрудничество с ГБ и т.п. У молодых чрезвычайно сильно развито чувство здравого смысла, но они вообще ничего не помнят. Когда мы получили право голоса, польская политическая сцена начала кристаллизоваться, в борьбе за власть соперничали две главные силы родом из двух различных традиций. Мы должны были выбирать между агрессивной стороной, которая ссылалась на наследие „Солидарности”, и другой, которую обвиняли в бесчестном прошлом, а мы этого прошлого помнить не могли. Трудность состояла в том, что эта сторона, объявленная не имеющей ни чести, ни совести („Красные! Коммунисты!”) и рисуемая одной черной краской, выглядела в высшей степени убедительно. Поколения без памяти, зато с правом голоса поверили бывшим партийным секретарям, номенклатуре системы, с которой боролись их родители. Ирония истории или естественный ход вещей? Как раз тогда политика, которая еще несколькими годами раньше не имела значения, оказалась для нас источником разделений. С удивительной легкостью мы позволили втянуть себя в политические свары и ссоры. Не располагая собственными аргументами, мы пользовались запасом старших. Мы не колеблясь использовали их язык, однако этот язык не объединял, а разделял. „Солидарность” снова приобрела для нас значение. На этот раз как элемент, из

которого мы строили свое первое политическое самосознание и... вражду. Тогда мы осознали свое наследие: раздираемая страна с проблемами старших, которые в будущем, вероятно, придется решать нам”.

Как это будет решаться, мне неясно. Мои студенты в свое время без всякого сопротивления голосовали за Квасневского против Валенсы. Сегодня, когда их спрашиваешь, может ли быть у них преподавателем бывший стукач, они отвечают, что это не имеет никакого значения. Им важен его профессионализм. Но, может быть, все не так плохо, как я думаю, ибо, комментируя нынешнее положение, Куляс пишет:

“В начале этого года „Солидарность” вновь дала о себе знать. Люди снова хотели быть вместе. Причиной была смерть Папы-поляка. Оказалось, что польское общество способно к примирению, к крупным солидарным действиям. Молодые шли рядом со старшими. Неверующие рядом с верующими. Ибо нет необходимости быть верующим и католиком, чтобы понять историческую роль, которую сыграл Иоанн Павел II в возникновении рабочего движения: его учение о свободе и человеческом достоинстве оказалось нравственным фундаментом „Солидарности”, ибо показало, что польское общество способно на общий, необязательно пустой жест. (...) Феномена „Солидарности” (10 миллионов человек!) не понять без опоры на универсальную формулу, в те времена важную для каждого. Эта формула — достоинство, нравственная основа остальных требований, которые благодаря ей не носили эгоистического характера и были оправданы”.

Однако этот год, кончающийся через несколько дней, был годом выборов. На этот раз экс-коммунисты у молодежи шансов не имели. Но как оценить эти выборы? Об этом интересно говорит профессор Войцех Ситек в интервью, которое взял у него и напечатал во вроцлавской “Одре” (2005, №12) Мариуш Урбанек. Интервью озаглавлено “ПНР без коммунистов”. Вот что говорит профессор:

“Электорат, голосовавший за победивший ПиС [„Право и справедливость”], — это люди, которые скорее боятся перемен, скорее относятся к ним неприязненно, нежели стремятся к ним. Из опросов общественного мнения вытекает, что многие поляки действительно хотели бы, чтобы все было, как в ПНР, но без коммунистов. Чтобы была надежная работа, сильная власть и порядок. Поэтому они поверили политикам, которые заверяли, что у них в руках рог изобилия, с помощью которого они исполнят эти чаяния. (...) По современным западным критериям, Польша, разумеется, повернула направо. Правда,

нельзя забывать, что единой Польши нет. Склонность к авторитарным тенденциям проявила — в сильном упрощении — старшая Польша, живущая в сельской местности, слабее образованная”.

Отбрасывая предвыборную терминологию, в которой “Гражданскую платформу” определяли как “либеральную, а “Право и справедливость” как движение “солидарное”, Ситек подчеркивает, что речь идет не о “солидаризме”, а о социализме:

“Это слово по-прежнему обходят, делая вид, что речь идет о чем-то другом. Различие „либерализм-социализм” выдумали не братья Качинские — это действительная альтернатива, перед которой стоят люди. Альтернатива, за которой стоят их конкретные интересы, модель государства, господствующий тип социальных связей. А эти вопросы поважнее цвета рубашки кандидата. (...) Нельзя делать вид, что социальные вопросы и методы их решения в разных странах — это для людей проблемы мнимые, что мнимы различия между моделью государства, реализуемой в Швеции и Великобритании, или причины, по которым в США есть трущобы, а в Канаде нет. Там ведь живут очень схожие люди, зато отличаются модели государства. Таким образом, в Польше вопрос был таков: на какую модель государства поляки готовы согласиться? (...) Социалистическую, с тенденциями к авторитаризму, пользующуюся антикоммунистической риторикой. Это можно истолковать как ностальгию по ПНР, и по сути таков смысл этой модели. Да только тогда отправлять власть должен был бы иной субъект. Но это уже результат польской истории. (...)”

Электорат в Польше, вопреки тому, что пишут некоторые публицисты и даже социологи, совсем не изменился. Конечно, сегодня мы видим довольно большое перетекание электората, но это перетекание не между программами, а только между по-разному называемыми партиями, которые по существу предлагают одно и то же. Разделение польского электората по самым основополагающим вопросам: сколько государства, а сколько самостоятельной деятельности, сколько социальной безопасности, а сколько свободного рынка, сколько государственной собственности, а сколько частной — остается неизменным. Взгляды избирателей зафиксированы, и карты розданы. Перемены происходят исключительно на политической сцене, где мы имеем дело с острым соперничеством за то, кому удастся этот электорат перехватить. Польское общество вовсе не меняется так динамично, как могло бы показаться. Разумеется, прибывает

голосов у партий, открытых к Европе и миру, но перевесом все время обладают консервативные тенденции. В этом контексте полезно напомнить, что за тех политиков „Солидарности”, которые ясно и решительно на всех выборах после 1989 г. представляли позиции за модернизацию и за Европу, никогда не голосовало больше 40% взрослой части общества — ровно такую, самую высокую поддержку получил Лех Валенса во втором туре выборов в 1990 году”.

И еще несколько заметок профессора:

“Образ Польши в Европе и мире формируют крайне отрицательные стереотипы. Я обнаруживаю это каждый год, когда во Вроцлав приезжает группа студентов одного американского университета. Первую неделю они ходят как обухом ударенные, так как ничто не совпадает со стереотипом, который они привезли из Америки. Они считают Польшу страной вроде Ирана, клерикальной, ксенофобской, где лишены прав неверующие, женщины, гомосексуалисты. (...)

Когда мы выбираем между партией или кандидатом открытыми, либеральными, проевропейскими и партией или кандидатом, представляющими консервативные ценности, закрытыми, ксенофобскими, то можем заранее предположить, что на Западных землях выиграют первые, а в остальной Польше — вторые. (...) Новые жители западных и северных земель иначе укоренены в традициях, их семейные структуры после войны были разрушены. Часть семьи осталась на востоке [на Украине и в Белоруссии], часть выехала в Польшу. (...) Оказалось, что то, что в публицистике рассматривалось как основной козырь: устойчивость структур, укоренение, семейные связи, — это действительно реальная сила, но в то же время противостоящая модернизации. Парадоксально, но разрушение этих структур в результате польского переселения на запад позволило открыться к модернизации и принесло различные итоги голосования на Западных землях и в Центральной и Восточной Польше”.

Вытекает ли из этого, что теперь — во имя модернизации — следует приступить к разрушению существующих структур? Такой вывод, хоть и революционный, выглядит опасным. И хотя последние выборы действительно показали, что в Польше господствуют консервативные тенденции, однако внимательный анализ их итогов позволяет надеяться, что это господство не вечно: основа его — прежде всего относительно, в сравнении с Западом, низкая зажиточность поляков. Когда они замечают уже отмечаемое в экономических анализах улучшение бытовых условий, то могут (хотя и не обязательно)

изменить свой образ мыслей о государстве и обществе. Одно не подлежит сомнению: процесс преобразований в Польше продолжается, хотя динамика его не так высока, как мы могли надеяться после перемен 1989 года.

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

• Жюри, состоящее из лауреатов премии Киселя за прошлые годы, огласило имена своих будущих членов. Впервые премии были вручены в 1990 г. лично замечательным журналистом и публицистом Стефаном Киселевским, поборником здравого смысла во времена невежд. На этот раз премии Киселя получили: политик Лех Валенса — «за 25 лет здравого смысла лишь с короткими перерывами»; бизнесмен Рышард Краузе — «за то, что поставил на карту свои деньги»; и публицист, автор политических телепередач Томаш Лис — «за то, что остался верен журналистике».

• Присуждаемые «Тыгодником повсехным» медали св. Георгия получили профессор философии Варшавского университета Барбара Скарга и митрополит Люблинский архиепископ Юзеф Жицинский — богослов и философ, а также публицист, постоянный автор газеты «Жечпосполита». Барбара Скарга удостоилась медали за «распространение стандартов правильного мышления и борьбу с воцарившимся в мире драконом гордыни, бесстыдства и глупости, которые порождают ложь и ненависть». Архиепископу Жицинскому медаль вручена за «отвагу участвовать в общественной дискуссии и провозглашать истины, к которым не хотят прислушиваться ни польское общество, ни [польская] Церковь; за мгновенную реакцию, когда у дракона вырастает очередная голова, и за пример, показывающий, что борьбу со злом нужно вести, прежде всего творя добро».

• Фонд поддержки польской науки тоже присудил свои премии, называемые «польскими Нобелями». Это самые престижные и высокие (по сто тысяч злотых) научные премии в нашей стране. В этом году их лауреатами стали: палеонтолог Зофья Келан-Яворовская — за изданную под ее редакцией книгу «Млекопитающие эры динозавров», написанную совместно с двумя учеными из США; археолог проф. Кароль Мысливец — за открытие в Саккаре на территории Египта ранее неизвестного места захоронения вельмож эпохи Древнего царства, датированного III тысячелетием до н.э.; информатик Роман Словинский за разработку методов, способствующих «программной поддержке решений».

- И последняя премия, врученная в конце минувшего года: «предпринимателем года» стал Тадеуш Винковский, основатель одной из самых современных в Европе типографий — за «последовательное и успешное укрепление доверия к своей фирме, а также за стремление к высшему качеству, которое невозможно подделать, (...) и последовательное осуществление мечты, чтобы фирма стала печатным лидером Европы». Жюри принимало во внимание не только финансы фирмы, но и личность кандидата, стиль руководства, стратегию управления и новаторство.

- «Это необычный фестиваль. Ни в одном пункте программы, проходящей в основном в церквях, не упоминается имя Иоанна Павла II. Зато его участники не боятся рискованных высказываний на нелицеприятные темы, выходя за рамки расхожего понимания христианской культуры», — пишет о лодзинском Фестивале христианской культуры Лешек Карчевский. А директор и основатель фестиваля свящ. Вальдемар Сондка говорит: «Я против того, чтобы отказывать искусству в христианских мотивах, если оно не изображает крест или коленопреклоненного автора. Христианская культура охватывает все то, что отражает евангельские истины, — независимо от того, осознаёт это автор или нет».

- В Лондоне на 93 м году жизни скончался Юзеф Гарлинский, офицер Армии Крайовой, узник варшавской тюрьмы Павяк и Освенцима, замечательный историк, председатель Союза польских писателей в эмиграции, автор книг о польском подполье и военных действиях Польши во время II Мировой войны. Самая известная из них — «Сражающийся Освенцим».

- В этом году Ярмарка исторической книги впервые сопровождалась конференцией «История в поп-культуре». Как сказала замечательная писательница, автор научно-фантастической литературы и историк Средних веков Анна Бжезинская, «история — это не только серьезные дискуссии о Катыни или Едwabне (...) Мы предлагаем и дискуссию о т.н. альтернативной истории, отправной точкой для которой стала книга Дэна Брауна «Код Леонардо да Винчи» (...) Любопытно, почему людей так увлекают всевозможные теории всемирного заговора?» А проф. Павел Вечоркевич констатировал: «Чтобы заинтересовать историей, нужно показать ее блестящие, впечатляющие страницы. Потом, если человек увлечется, придет время более глубоких познаний (...) Популярная форма вовсе не означает, что книга должна быть низкопробной. Все зависит от того, есть ли автору что сказать». Премия за лучшую книгу на Ярмарке была присуждена Виктории Сливинской за

«Побеги из Сибири», а в категории монографии — Войцеху Тыгельскому за книгу «Итальянцы в Польше в XVI–XVII веках».

• Все большей популярностью пользуется Всепольская книжная ярмарка в Кракове, с которой конкурирует подобное мероприятие, проводимое в варшавском Дворце культуры и науки. Между тем похоже, что вне конкуренции остается, пожалуй, самая интересная зимняя книжная ярмарка, уже полтора десятка лет организуемая во Вроцлаве, — «Вроцлавские встречи с хорошей книгой». Задуманные как «камерное и элитарное мероприятие, эти встречи (...) дают издательствам неповторимый шанс оставить след в памяти читателей, которые смотрят книги только нескольких десятков избранных издательских домов», — говорит директор издательства «Искры» Веслав Уханский.

• Вышел в свет новый сборник стихов польского лауреата Нобелевской премии по литературе 1996 года Виславы Шимборской. В сборнике, озаглавленном «Двоеточие», только 17 стихотворений. «У Шимборской свое неповторимое понимание мира, которое она подтверждает очередными сборниками, полными вопросительных знаков (теперь она дописала к ним еще и двоеточие), новыми стихами, а также жизненной позицией — отстраненностью, скромностью, смущением. В этой позиции легко угадывается ощущение иллюзорности славы, хрупкости всего сущего и неуверенности в нем (...) 17 стихотворений «Двоеточия» — это 17 просветов, исключительных, хотя и будничных ситуаций, где сложность мира и беспорядочность жизни внезапно является в порядке, который можно показать другим», — пишет Ярослав Миколаевский. Менее учено, зато более по-человечески описала это в своей рецензии Эльжбета Савицкая: «Вислава Шимборская всегда была мастерицей тонкой иронии, недосказанности, неожиданных концепций и блестящих форм. Все это можно найти и в «Двоеточии»».

• «Это одна из немногих культурных организаций, которая успешно преодолела все повороты истории и политики. ПЕН-клуб до сих пор продолжает оставаться достойным представителем интеллектуальной элиты. Он избежал разделений, сохранил свой облик, престиж и авторитет». Эти слова были написаны в связи с 80 летием создания польского отделения ПЕН-клуба, который был создан по инициативе писателей, стремившихся справиться с шоком, вызванным ужасами I Мировой войны. После II Мировой войны его задачи были еще сложнее, а условия существования, особенно в зоне «реального социализма», еще труднее. Как сказал по случаю

юбилея нынешний председатель польского отделения проф. Владислав Бартошевский, «ПЕН-клуб был исключением. Будучи частью международной организации, он лишь в ограниченной степени мог подвергаться внутреннему политическому давлению (...) Даже в самые темные времена он выстоял и остался островком свободы, ничем себя не запятнавшим (...) В те времена в его правлении не было ни одного члена авторитарной партии! Я видел в ПЕН-клубе истинное воплощение идеи свободомыслия и уважения к человеческой свободе. Его члены всегда стояли на позициях разумной терпимости». Участники юбилейных торжеств часто вспоминали прошлое, но немало времени посвящали и настоящему. С особым интересом они выслушали два замечательных выступления — председателя Украинского ПЕН-клуба Евгена Сверстюка и генерального директора Российского ПЕН-центра Александра Ткаченко.

- О 150-й годовщине со дня смерти Адама Мицкевича было написано немало. Приведем лишь фрагмент напечатанной в «Тыгоднике повсехном» статьи Збигнева Майхровского: «Мицкевич как явление (не только литературное) подвергался всевозможным толкованиям и простой манипуляции. Его легендой и наследием манипулировали (...) сын поэта Владислав и Владислав Гомулка. [Другие] хоть и слишком свободно относились к фактам, очищали образ поэта от лжи. Пожалуй, у каждого поколения был свой образ Мицкевича, свой канон его главных произведений, свой вариант легенды и свой познавательный скандал». В заключение, предлагая Мицкевича на сегодня, Майхровский пишет: «Никто не оставил столь хорошего поэтического описания кризиса среднего возраста, как Мицкевич (...) Среди моря руководств, как достичь успеха, заработать деньги и получить сексуальное удовлетворение, чтение Мицкевича может вернуть жизни более близкие к истине пропорции...»

- Ситуация в списках бестселлеров постепенно меняется. Лидирует награжденная премией «Нике» книга Анджея Стасюка «По дороге в Бабадаг». Следом за ней идет очередной польский любовный роман — «Бродячая певица» Моники Швай, однако женской литературе дышит в спину приобретающий все большую популярность детектив. Это происходит прежде всего благодаря Мареку Краевскому и его вроцлавским ужасам. Впрочем, к этому жанру обращается все больше польских авторов — со все лучшим результатом.

- На II Фестивале детектива, организованном в Кракове Институтом книги и Обществом любителей детектива и

остросюжетного романа «Труп в шкафу», премия «Крупного калибра» присуждена Павлу Ящуку за книгу «Foresta Umbra». Действие книги происходит в довоенном Львове. Почетные премии фестиваля получили присутствовавшие на нем российские авторы — Александра Маринина и Борис Акунин.

- Несколько детективный характер носит и книга, которая в последнее время выдвинулась на первое место в списке бестселлеров в категории документальной литературы. «Покушение» Тадеуша А. Киселевского детально анализирует все события, предшествовавшие смерти генерала Владислава Сикорского в Гибралтаре 4 июля 1943 года. Автор, задавшийся повторяемым уже более полувека вопросом: несчастный случай или покушение? — решительно утверждает, что это было покушение, и старается убедительно доказать нам свой тезис.

- В числе литературных бестселлеров оказалась также книга Эустахия Рыльского «Условие», а ее первая часть «Человек в тени», опубликованная после двадцати лет молчания, получила премию им. Юзефа Мацкевича. «Пожалуй, в нашей литературе уже давно не появлялся прорисованный столь тонкими штрихами образ России в поляке и поляка в России, — говорил на церемонии вручения премии Анджей Новак. — Но не это кажется мне главным (...) У меня такое впечатление, что Рыльский на мгновение окунается в Восток — но ненадолго, ровно настолько, чтобы смыть с себя банальность настоящего».

- Говоря о своего рода «реанимации» стихов и личности Владислава Броневского, которая нашла отражение в вокальных и художественных предложениях группы и галереи «Растер», Дорота Ярецкая констатирует: «Обращение к Броневскому — это обращение к кумиру, но такому, который всю жизнь боролся с собственной деструкцией, к кумиру упадочническому, неавторитетному (...) Он был героической личностью, но у него были и свои слабости, и мне кажется, что сегодня эти слабости стали более привлекательными (...) Человек из железа и в то же время человек из водки и тоски (...) Он соединял левизну содержания с консервативностью формы, прогрессивную общественную мысль с традиционным польским патриотизмом и привязанностью к идее народа (...) Броневского вспомнили еще и потому, что его биография и позиция не были монолитами. Он неоднозначен. Он не выиграл и не проиграл, а скорее выжил».

- «Главное во всей истории Польши — непокорность и стремление людей к освобождению. Неважно от чего — от царя, от гитлеровской оккупации или от более мягкой социалистической диктатуры. Именно это стремление мы и

стараясь передать», — сказал перед премьерой спектакля «Валенса. История веселая и из-за этого очень грустная» поставивший ее в театре «Выбжеже» («Побережье») Михал Задара. А автор пьесы Павел Демирский добавил: «Это спектакль о власти, о попытке реформировать государство. Мы должны реформировать его сейчас так, как пытались это сделать люди 25 лет назад (...) «Солидарность» была прекрасным явлением, беспрецедентным в мировом масштабе, а такие крупные личности, как Валенса, появляются раз в несколько поколений. Мне больно, что многие ценности нашего прошлого уничтожаются ничтожными людишками». После премьеры «Валенсы» Роман Павловский написал: «Молодые артисты, родившиеся в конце 70 х, поставили спектакль о поколении своих отцов (...) В обход политиков и ветеранов они вступили в настоящий диалог с мифом «Солидарности», в котором они обнаружили частицу собственной идентичности». Присутствовавший на одном из спектаклей Лех Валенса прокомментировал его со свойственной ему лапидарностью: «Большое спасибо постановщикам, но я должен с большевистской откровенностью сказать: мы не за это боролись», — после чего взошел на сцену, чтобы сфотографироваться с актерами.

• Между тем все чаще самым актуальным польским драматургом оказывается второй величайший поэт польского романтизма Юлиуш Словацкий. Это происходит благодаря двум молодым режиссерам — уже упомянутому Михалу Задаре и Яну Кляте. Ставя в краковском Старом театре «Ксендза Марека», поэтическую драму, ставшую апофеозом Барской конфедерации (1768), Задара, по словам критика, «отважился открыть дверь в романтическую драматургию (...) Он показал, что описанный ею духовный портрет поляков все так же верен. Польское самосознание и по сей день расцветает в конфликте с другими народами — будь то русские, немцы или евреи. Борьба во имя религиозных и патриотических идеалов слишком часто превращается в склочничество и бандитизм. Свою мысль режиссер проводит вопреки Словацкому (...) но в согласии с сегодняшним опытом польской ксенофобии». Ян Клята поставил в гданьском театре «Выбжеже» драму Словацкого «Фантазий». В этом спектакле «на романтический анализ чувств накладывается безжалостное вскрытие общественных отношений эпохи раннего капитализма. Главный герой драмы — это... полмиллиона злотых, за которые молодой граф Фантазий хочет купить дочь графов Респектов». Клята перенес действие из гостиных и садов в гданьский блочный микрорайон. Как пишет далее критик, «он не сводит Словацкого исключительно к теме денег. Есть еще одна

плоскость, в которой разыгрывается драма, — это пространство национальных мифов. Клята ставит нас перед лицом мифологии романтизма и нашего прошлого. Он сталкивает сермяжную действительность блочного микрорайона с утонченной поэзией Словацкого, которая в таком окружении звучит как чужой, забытый язык». «Фантазий» созвучен другим постановкам Кляты — идущему в одном из помещений разоренной Гданьской судоверфи «Гамлету» и поставленному в Валбжихе, а недавно показанному в Театре телевидения гоголевскому «Ревизору», действие которого перенесено в Польшу времен Эдварда Герека... Там тоже все совпало. В настоящее время Клята — один из самых интересных польских театральных режиссеров, а прошедший в Варшаве фестиваль его спектаклей вызвал огромный интерес — прежде всего у молодых зрителей.

- Постановкой редко идущей у нас пьесы Александра Фредро «Путешествие из Перемышля в Прешов», представленной под более современным названием «Евросити», завершил (по его словам) свой театральный путь выдающийся актер и режиссер Анджей Лапицкий. Известный в кино прежде всего по фильмам Конвицкого и Вайды, особую любовь он испытывает к Фредро. «Последний поставленный мною спектакль — это неизвестный Фредро. Забавный, написанный совершенно по-современному (...) По-моему, открытие автора, утверждающего, что мы меняемся по мере прогресса цивилизации, очень справедливо. К примеру, изобретение паровой машины сильно повлияло на поведение людей — на наши поступки, на то, как мы начали воспринимать другого человека и мир», — сказал Лапицкий. А Иоанна Деркачов написала: «Театральное чутье не изменило Лапицкому и на этот раз. Действие прекрасно распределено между столиками в кафе. Оно разворачивается на всех планах и вовлекает зрителя в серию шуток, этюдов, забавных диалогов».

- В декабре 2004 г. в Лондоне умер Феликс Ласский, учредитель театральной премии «Феликс». Казалось, что его смерть положит конец и премии. Однако нашелся новый спонсор, а премия сохранила имя своего благородного основателя. В этом году «Феликсы» получили: Ирена Юн за роль в спектакле «Пир у графини Коцюбай», Ян Коциняк за роль в спектакле «Примем на работу старого клоуна» и Петр Цепляк за постановку в Театре повсехном фарса Лабиша «Соломенная шляпка».

- 2 ноября, в День поминовения усопших, свечи зажглись не только на могилах, но и перед многими варшавскими театрами. Это был символический акт: таким образом группа

молодежи, назвавшая свою организацию «Транс-фузия», известила варшавян о гражданской смерти считавшихся до сих пор престижными столичных сцен. Кроме того, молодые бунтари прибили к дверям театров манифест, в котором, в частности, написали: «Варшавские театры отстали не только от Берлина, Вены или Лондона. Им далеко даже до динамично развивающихся театров Гданьска, Вроцлава, Валбжиха или Легницы (...) Варшавские театры получают самые большие дотации, но избегают смелых, современных спектаклей». Говорят, что петиция, направленная также в магистрат, частично возымела действие, и молодежи обещали встречу и серьезную дискуссию.